

Александр Умнов

Застывшие слёзы войны

Повесть

Повесть основана на реальных событиях. Посвящается бойцам и командирам 160-й Горьковской стрелковой дивизии, 154-й стрелковой дивизии и, конечно, моему деду – Умнову Александру Михайловичу.

Глава 1. Не потерять веры

Сане снился сон: ржаное поле, жена Ульяна стоит у берёзок с двух-годовалым сыном Колькой, журчит тихая речка Борина в овражке, поёт жаворонок в чистом голубом небе. И так на душе у него было спокойно, так радостно, что Саня улыбался во сне.

– Саня, подъём. Прибыли, видать, просыпайся, команда была, – кто-то толкнул его в бок.

Это был Мишка Линёв, житель с окраины Воскресенского, долговзый детина двадцати трёх лет. Он стал лучшим другом Сани Умнова за то время, пока они пробыли в Гороховецких лагерях и зачислены были в один полк. В этом полку оказались призывники из Воскресенского, Заветлужского, Краснобаковского, Семёновского, Залесного и некоторых других районов севера Горьковской области.

А ехали они воинским эшелоном 160-й стрелковой дивизии из города Горького через Москву, в Белоруссию, где уже вовсю полыхал огненный ад войны. Гитлеровцы рвались через Могилёвскую область на восток, за Днепр.

Чем ближе к фронту, тем опасней был путь. Сдвоенный эшелон, в котором находился 537-й стрелковый полк, попал под бомбёжку во время короткой стоянки, но, к счастью, все вагоны остались на рельсах, и их не разметало в разные стороны, как спичечные огненные коробки. Только от вражеского пулемётного огня погибли несколько красноармейцев, да у одного из младших командиров жена-санинструктор убежала прятаться от бомбёжки в ржаное поле и не вернулась. Её пытались

Умнов Александр Николаевич родился в 1966 году в д. Егорово Воскресенского района Горьковской области. Произведения публиковались в газете «Литературная Россия», в «Вестнике гражданской поэзии и прозы» (Йошкар-Ола). Живёт в д. Докукино Нижегородской области.

искать, кричали, но женщина не отзывалась. Времени на поиски больше не было. Оставшиеся километров семь личный состав полка преодолел до старинного белорусского городка уже пешком. На платформах эшелона оставили лишь незначительную часть красноармейцев для охраны.

На железнодорожную станцию эшелон прибыл благополучно, за ним подтянулся и полк. И сразу всё пришло в быстрое движение. Слышались приказы командиров, ржание лошадей, рокот заведённых грузовиков. Станция, как и маленький железнодорожный вокзал, уже не жила той мирной жизнью, какая была тут раньше. На перроне толпились гражданские люди с чемоданами, узлами и котомками. Лица их были озабочены и напряжены. Паровозы на путях стояли под парами, дымили трубами и были готовы отправиться в путь. Только вот куда, никто из машинистов на тот момент не знал.

Полк, в который были определены Саня и Мишка, на станцию для разгрузки прибыл почти в полном составе. В вагонах и на платформах орудия, боеприпасы, лошади, повозки, несколько машин-полуторок, полученных незадолго до отправки с Горьковского автозавода. В общем со всем имуществом, вплоть до сена для лошадей, что положено иметь по Уставу полку во время военных действий. После быстрого построения у вагонов бойцам была дана команда: выводить по сходням лошадей, скатывать по настилкам полуторки, и всё это армейское хозяйство срочно приводить в походную колонну. Кто-то из гражданских крикнул: «Уж вы дайте, сынки, этим гадам, чтоб видно было, как пятки сверкают!».

Перед самым построением Мишка успел прочитать название железнодорожной станции. Крупными ярко-красными буквами, сделанными из фанеры, было написано: «Кричев».

Полку пришлось выгружаться из-за путаницы прямо на станции. Обстановка для выгрузки была сложной, но времени, чтобы эшелоны, прибывавшие один за другим с небольшим интервалом, перегонять на запасные пути или тупики, катастрофически не хватало.

– Не бывал я дальше своего Горького, где службу армейскую проходил, – со вздохом заговорил было Мишка, – а видишь, как судьба распорядилась, куда забросила, да ещё при каких обстоятельствах...

Он хотел ещё что-то сказать, но резкий окрик ротного: «Разговоры в строю!» тут же заставил его замолчать.

Когда всё было готово, полк по команде с армейским гулом двинулся по бетонной вокзальной площади по направлению к реке Ресте, на рубеж развёртывания, месту своей первой дислокации на войне. Кто-то из мирных жителей украдкой крестил уходящий полк, кто-то на прощание махал рукой и молча, с какой-то необъяснимой грустью смотрел уходящим вслед. Расстояние до Ресты оказалось большим, привалы были короткими, так что порой бойцы не успевали даже накуриться.

В душе у каждого было напряжение, необъяснимая тревога, но нужно было идти. Идти туда, навстречу врагу. И все понимали, что встреча эта будет не с хлебом-солью, а со смертью и с кровью.

На одном из привалов Мишка еле снял сапоги. Крупные волдыри провалились, и стало совсем невыносимо терпеть мучительную, какую-то постыдную боль.

– Что же вы, красноармеец Линёв, так и не научились в армии портянки наматывать? А если скоро в бой? – сокрушался командир отделения сержант Сизов, резкий, но справедливый парень родом с окраины Горького.

Он выполнял обязанности помощника командира взвода.

– Виноват, товарищ сержант, да и сапоги не разносились ещё, – оправдывался Мишка. У него был 45-й размер обуви. Тут уж ничего не поделаешь, и сапог не раздвинешь, как меха у гармони.

Перед отправкой на фронт красноармейцам вместо армейских ботинок выдали новенькие кирзовые сапоги.

– Эх, Миша, Миша, большой ты вырос, а будто дитя малое. На руках тебя, что ли, как невесту нести теперь? – стали подтрунивать товарищи.

Мишка смущённо опустил голову и покраснел, как варёный рак.

– Ну, пошутили, и будет, – уже строго сказал сержант.

– Придётся тебя, боец Линёв, до места на машину сажать. Пойду доложу командиру взвода.

– Может, я лучше уж босиком? – смущённо промолвил Мишка.

– А что я командиру взвода скажу, а?! – громко и резко выпалил сержант Сизов. – За спиной пулемёт, а под мышкой сапоги – хороша картина!

Михаила хорошо обучили в армии обращаться с ручным пулемётом Дегтярёва и метко стрелять. Да и носил он его будто играючи, и зрение у него было отменное.

А Сане без Мишки показалось как-то скучно. Пока шли, сначала тихо переговаривались. Потом, когда июльское солнышко полностью вступило в свои права, стало совсем жарко. День выдался погожим. На небе не было ни облачка. Вода во фляжках стала тёплой, почти горячей, и ею нельзя уже было так напиться, как из холодного лесного ключа. От усталости совсем не хотелось говорить, и только поля с красиво колосившимися хлебами, которые, видно, уже давно не видели дождя, немного успокаивали душу. И вспоминался отчий дом, родные и близкие люди. Многие из них там, дома, ещё не понимали, что здесь бойцы идут навстречу смерти. Что враг действительно силен и коварен. Что многие из идущих к фронту бойцов сделают невозможное, порой не поддающееся здравой логике и вопреки всему. И будет это называться одним простым и таким значимым словом – «Подвиг».

Командир полка подполковник Мельников приказал остановить полуторку, на которой ехал. Он решил лично проверить обстановку, проскакав вдоль всей колонны на своём коне. Командир видел, как устали и приуныли бойцы от долгого изнурительного похода, но приказа на привал больше не отдавал.

– Что головы повесили, товарищи красноармейцы? Ускорить шаг, скоро будем на месте, – бодро говорил командир полка.

Но с солдатских лиц не сходила печать усталости и тревоги.

Сколько они прошли, никто из них точно не знал. Но десятки километров на жаре, да с короткими привалами, давались нелегко.

Место развёртывания в оборону встретило 537-й полк красивым июльским закатом. Небольшая река ласково играла с уходящим за горизонт солнышком, как будто убаюкивала его на тихих речных волнах. Полку было приказано занять оборону по левому крутому берегу реки, чтобы не дать немцам возможности прорыва к городу Чаусы, где находился крупный железнодорожный узел. Песчаная земля осыпалась, бруствер плохо выравнивался, и местами его приходилось укреплять жердями, срубленными в роще неподалёку. От усталости после дальнего перехода руки у бойцов плохо слушались, тянуло в сон, но был приказ окопаться до темноты, и люди упорно копали окопчики.

Только когда укрепления были готовы, командир взвода дал бойцам команду на отдых. Как и положено, выставили часовых. Тут бы в пору и вздремнуть, но, несмотря на усталость, не спалось. На душе было всё так же тревожно. Незнание терзало, напрягало нервы, и все думали: «Каким будет первый бой? Останусь ли жив?» Трудно было смириться, что враг окажется сильнее, понимали, что нет пока боевого крещения и опыта.

Стояла какая-то не по-военному щемящая, беспокойная тишина. Только стреноженные лошади фыркали неподалёку, мирно щипая траву, да тихо журчала на перекатах красивая река.

Не спалось. Первым разговор завёл сержант Сизов.

– Вот надо же было этому проклятому Гитлеру такую войну затевать. И что людям на этой земле не хватает? Живи, радуйся, отдыхай.

Он отогнал веткой берёзы назойливых комаров и замолчал.

Сонным голосом заговорил самый молодой из бойцов, Василий Клыков. Был он весёлым, заковыристым парнем, с доброй улыбкой, лихо играл на гармошке. Рассказывал как-то, что детство его прошло на берегах Волги, и он лично знал Чкалова.

– Вот придёт фашист, и будет нам и отдых, и отпуск, и пирожки с капустой, – с иронией через какое-то время вымолвил Васёк – так попросту звали его бойцы взвода.

Сизов, немного помедлив, сказал:

– Тяжело нам, братцы, придётся, это точно. Но такая уж видать наша доля, что никто кроме нас.

– Вот-вот, – язвительно подтрунил Васёк, – или грудь в крестах, или голова в кустах.

– Ну, насчёт кустов, упаси вас Бог, не посмотрю, что... – и сержант осёкся, не договорил.

– Что хотел сказать-то – рука не дрогнет? – заявил смело Васёк.

– Скоро будет понятно, кто из нас кто, – многозначительно ответил сержант.

Он вынул из кармана кисет с махоркой и начал молча закручивать сигарку.

– Да будет вам ссориться-то – тихо сказал Саня, всё это время молчавший с сомкнутыми веками. Все думали, что он тихо спит, прислонившись к песчаной стенке окопа, где рядышком мирно дремал и Мишка Линёв.

Наконец, кашляя и ворочаясь с боку на бок, всё-таки все уснули, предупредив Саню о смене часового. И многим из них снилась родина.

Тихие улицы старого Сормова, родные деревни и сёла, близкие каждому люди.

Летние ночи коротки. Вот от воды повеяло прохладой, набежал ветерок, нагнал облака. Погода предвещала ненастье и сырость. И ещё неизвестно, что было лучше: ждать врага в окопах, изнемогая на солнцепёке или сидеть сырым в скользкой, липкой земле.

Проснулись многие не от команды, а от сильного грохота орудий где-то севернее дислокации полка. Прибежал взводный, молоденький младший лейтенант Варнаков, с едва пробивающимися усиками, худой, с каким-то ещё детским взглядом. На боку у него болталась новенькая планшетка.

Кто-то из отделения взволнованно обратился к командиру взвода. Бойцы спрашивали не окружают ли уже их полк и где эти проклятые немцы?

Сержант Сизов также был напряжён, но по другому поводу. Он выждал, пока выскажется взводный, и, когда все успокоились, решил обратиться к командиру.

– Товарищ младший лейтенант, разрешите обратиться? – и Сизов лихо вскинул руку к правому виску.

– Обращайтесь, товарищ сержант, только быстро.

– Все ли наши прибыли благополучно? Ведь говорили, не один день пройдёт, пока вся дивизия прибудет... И где сейчас все остальные наши части?

Варнаков не знал, что ответить: радиосвязи у полка со штабом дивизии на тот момент не было. Известно было лишь то, что остальные полки дивизии должны были сосредоточиться северо-восточнее их позиций. Получалось, что 537-й полк был в авангарде.

Такой долгожданный, по-осеннему затяжной дождик сначала затих, а потом и вовсе кончился.

В ожидании врага бойцов облепил лесной гнус, коего у рек было преогромное количество. В такую погоду гнусу этому самая благодать. И нет от него спасения. «С головой накроешься – дышать нечем, откроешь лицо – и в рот, если во сне как варежку его разинешь, эта зараза норовит попасть», – ругались бойцы.

– Мужики, – нервно, ещё сонно, обратился кто-то к товарищам, – хоть бы закурил кто: от махорки эти твари как чёрт от ладана отскакивают. Мужики, а, мужики?..

Но на просьбу его никто не отреагировал. Видно, и у молодых силы не бесконечны. И только последний дымок от костра чуть-чуть помогал тем, кто был ближе к нему. Ночью костры разводить было строжайше запрещено – в силу возможного обнаружения позиций противником. И даже курили, если кто курил, то на дне окопа, по очереди, зажав самокрутку в кулак, прикрываясь шинелью и стараясь как можно меньше пускать табачного едкого дыма.

Утро встретило полк нежарким добрым солнышком. Полевая кухня приятно манила – в котлах пыхтела каша, и после утреннего построения и хождения по нужде в кусты, да умывания в речке, была дана команда на завтрак. Всё делалось быстро – война ведь, и где-то рядом ходит враг.

Не было и привычной утренней физзарядки, да много чего не было, как должно бы быть в полку в мирное время. Но выработавшаяся в Красной Армии привычка заставляла бойцов наскоро бриться, приводить обмундирование в порядок, быть опрятными. Для этого время у них ещё было.

– Саня, а ты что ж не бреешься?, – спросил друг Мишка у старшего товарища.

– Предчувствие какое-то, Миша, что немцы скоро попрут, – серьёзно ответил Саня.

– Ну и?.. – переспросил Мишка.

– Ну и решил перед первым боем не бриться, вот так.

Мишка молча, всё так же вопросительно глядел на Саню, отчего тот даже повысил голос на товарища.

– Да чего ты уставился, будто я тебе красна девка, давай-ка лучше «бандуру» свою на хорошую позицию пристраивай.

Бандурой он обозвал ручной пулемёт Михаила, и если бы слышали это командиры, то Сане влетело бы за такое словечко.

– А какое сегодня число, товарищи красноармейцы? – вступил в разговор сержант Сизов, обращаясь ко всему отделению.

– Кажись, тринадцатое июля, – ответил кто-то и закашлялся то ли от махорки, то ли от недавней простуды в сырую погоду.

– Тринадцатое, – невесело протянул Сизов и добавил: – Ну, где же вы, черти безрогие, мать вашу?

Полк был в полной боевой готовности, когда боец Клыков удивлёнными и в то же время любопытными, зоркими глазами заметил впереди какое-то движение.

– Саня, смотри, смотри! – чуть не прокричал Васёк.

– Ну что тебе?

– Гляди! – и Василий указал пальцем туда, откуда медленно, но уверенно сползали танки с бугра, а за ними, едва ещё было видно, двигались несколько бронемашин и трёхколёсных мотоциклов с пулемётами, установленными на боковых прицепах.

По цепочке пошла команда: «Приготовиться к бою!» Кто-то тайком крестился, кто-то тихонько матерился. И опять в голове у каждого бешено носились мысли: «Первый бой. Как он сложится? Одолеем ли мы врага?» От этого первого боя в их жизни многое, очень многое зависело. Их боевой дух, их настрой, их вера в правое дело.

– Сколько же их? Мать-перемать... – пробурчал сержант Сизов и аккуратно положил перед собой две противотанковые гранаты.

Подошёл и командир взвода с биноклем.

– А бутылки с зажигательной смесью где? – спросил, глядя на гранаты, Варнаков.

– Тут они, товарищ младший лейтенант, только маловато их.

И Сизов указал на дно окопа, где в нише в рядок были приставлены к земле четыре бутылки с зажигательной смесью.

От напряжения сводило пальцы рук, ударяло в виски: «Уж скорей бы, скорей бы бой...»

– Ну что там, товарищ младший лейтенант? – спросил громко Сизов, поправляя ремешок каски.

– Танки напрямую пойдут, а колонна остановилась, ждать будут, чтобы беспрепятственно в районе брода перейти. Думаю, так.

– А танки, прикрытие, товарищ лейтенант? Много их?

– Много, скорее всего, это часть танковой дивизии, а может, и вся дивизия, – задумчиво произнёс Варнаков.

– Но почему они здесь пошли, как медведи напролом, без моста? Хоть и речка невелика, и для танка, что лужа, а для мотоциклов всё-таки преграда, – глядя в бинокль, добавил командир.

Тем временем немцы обнаружили позиции полка и стали выстраивать танки в боевой порядок. Танки всё так же медленно, но упорно и нагло, напрямую двигались на окопы. Хорошо ещё, не было вражеского воздушного налёта и артподготовки, от которых всё могло раньше времени смешаться с землёй. Видно, не ждали немцы встретить здесь целый полк и потому двигались самоуверенно.

И сейчас бойцам казалось, что вот она, вся страшная сила, движется прямо на них, и надо не струсить, не опозориться перед товарищами, а принять бой с честью, каким бы неравным он ни был. И нужно было стоять как можно дольше, а если отходить, то только по приказу.

– Без команды не стрелять, подпускать ближе, – приказывал командир роты капитан Мальков, быстро двигаясь вдоль позиций, проверяя боеготовность подчинённых. – Отсекать от танков мотопехоту, отсекай автоматчиков!

Где-то сзади миномётчики наготове держали мины, чтобы по корректировке ударить по врагу. Зенитчики в кузовах полуторок так же, по команде, готовы были стрелять прямой наводкой или ударить всеми своими стволами по воздушным целям.

Расчёты боевых орудий застыли в ожидании. Наводчики словно прилипли к прицелам, заряжающие держали в руках наготове первый снаряд.

Когда головной танк немцев стал спускаться к речке, с крутого левого берега прогремел первый залп. Один снаряд противотанковой пушки-сорокапятки попал в гусеницу. В это же время вражеские танки ударили по нашим позициям. Начался ожесточённый бой. Немцы нагло пошли вброд, прикрываясь несколькими танками.

Многие молодые красноармейцы, видя оторванные руки и ноги, развороченные осколками животы своих боевых товарищей, смотрели расширенными от ужаса глазами на всё происходящее и готовы были бежать куда угодно, но только подальше от всего этого кошмара. Но стояли непоколебимо их старшие товарищи, у которых были уже свои дети. Какая-то внутренняя их отцовская совесть не позволяла им раскисать и опускать руки, несмотря ни на что. Приходили на помощь и политруки рот, вместе с коммунистами и комсомольцами они поддерживали всех остальных. И бойцы приходили в себя, уже в полной мере осознавая, что от судьбы им не убежать.

Первый бой длился недолго. Видимо, немцы не ждали встретить тут такое яростное сопротивление, и несколько их подбитых танков заставили фрицев на какое-то время остановиться.

Едва стихло, сержант Сизов хриплым голосом прокричал:

– Первое отделение, все живы?!

Невредимые и раненые, засыпанные землёй, из ниш то тут, то там стали, пригибаясь, выбираться бойцы. Из отделения двое остались лежать на дне окопа.

– Первую атаку отбили! Молодцы! Объявляю благодарность!

– Служим Советскому Союзу... – неуверенно, тихо ответили бойцы.

– Похоронить бы надо ребят, – предложил один из бойцов, и слеза скатилась у него по грязной щеке.

– Не время, братцы, не время. Это пока цветочки... Может быть, нас тут всех скоро похоронят, – произнёс боец из второго отделения, раненый в плечо.

– Не каркай раньше времени! – резко ответил Сизов. И уже мягче добавил: – Как плечо-то? Кость задета?

Боец ответил вопросом:

– У тебя махорка есть, сержант?

– Имеется ещё, – как-то неохотно отозвался Сизов и протянул кисет бойцу.

Тут же потянулась не одна рука за щепоткой махорки, и Сизов воскликнул:

– Ну что ж вы, окаянные?! Своей, что ли, нет? Оставьте без табака... А с чем же я немцев бить буду, а?

От этих слов товарищи взбодрились, повеселели: если была махорка, то и воевать можно!

Шутки шутками, но приходить в себя и расслабляться им пришлось недолго.

– Эх, да если бы вместо винтовки автомат, как у них, да пулемётов побольше, – посетовал кто-то из отделения, осматривая расщепленный осколком снаряда приклад винтовки.

– Вот подойдут немцы вплотную, и пойдём мы, братцы, врукопашную. Там и автоматы вам будут, и гармошки губные, трофейные. Уж больно немцы на них играть любят, паразиты, – громко сказал Сизов и сплюнул попавшую в рот землю.

– А вы откуда знаете, товарищ сержант? – спросил Васёк.

– Отец с ними воевал в империалистическую...

Варнаков пристально всматривался в даль. От горевших танков встала чёрная дымовая завеса, и трудно было что-нибудь рассмотреть, определить.

– Сколько подбили, товарищ лейтенант? – спросил Сизов, вытирая пот с лица. – Как думаете, пойдут ещё немцы здесь? – не дожидаясь ответа, опять спрашивал сержант.

После недолго молчания лейтенант всё же ответил:

– Вдоль этой речки, вверх и вниз по течению, топи. Дальше наши, есть наши! Части 137-й должны быть рядом. Значит, немцам этот узкий коридор для прохода только здесь, а мы им заслон. Ближайший мост не взорван, это плохо. Но для них это крюк. Получается, что это только начало. Здесь они пойдут, по перекатам, где и глубина-то... выше колена, а пока выжидают чего-то, раздумывают. Вот если ещё по мосту обойдут, тогда...

Но не знал Варнаков, что их земляков, части 137-й дивизии, которая также отправлялась из города Горького, только чуть раньше, сняли по приказу с реки Ресты ещё одиннадцатого июля, и теперь на этом рубеже они были одни.

Не успел лейтенант договорить как все замерли от гула моторов в небе. Звук этот с каждой секундой нарастал, и вот уже казалось, что видно фигуру лётчика в кабине, его надменное, наглое лицо, и почти в ту же секунду засвистели, зазвенели пули крупнокалиберных пулемётов, посыпая плотным свинцовым дождём всю линию обороны полка. Не давая опомниться и сбить хоть один вражеский «Мессершмитт», вскоре после этих стервятников уже «Юнкеры» сбросили несколько бомб, расчищая таким образом проход и путь дальше на восток. По ним уже стреляли с полуторок, из зенитных четырёхствольных спаренных пулемётов, никак не попадая в цель. И всё же наконец один вражеский «Юнкерс», накренив левое крыло, начал медленно заваливаться на бок, и вскоре от него повалил густой чёрный дым. Самолёт, оставив густую чёрную полосу, упал за перелеском. Вскоре откуда раздался мощный взрыв.

– Подбили гада, подбили, молодцы зенитчики, молодцы ребята! Так им, по заслугам, паразитам! – ликовали бойцы.

Вражеская авиация больше не появлялась, и только танки, а за ними и мотопехота пошли на наши позиции, наращивая натиск, надеясь быстро прорвать оборону 537-го полка.

Более трёх суток стрелковый полк под командованием Ивана Васильевича Мельникова сдерживал атаки врага. К вечеру третьего дня командиру стало ясно, что в полку большие потери, силы оставшихся бойцов на исходе, что необходимо подкрепление.

Командир полка, когда стемнело, а немцы прекратили атаки, собрал командиров батальонов.

– Товарищи командиры! – обратился комполка к своим подчинённым. – По донесению разведки идёт ускоренное нарастание в живой силе и вооружении противника на левом фланге. Также не исключено, что немцы могут выдвинуться в любой момент и с тыла. Таким образом, создаётся угроза нашего окружения. Из-за превосходящей во много раз силы противника мы не сможем в такой обстановке долго сопротивляться. Кольцо может сомкнуться неожиданно быстро. У кого какие вопросы, предложения? – сухо произнёс подполковник.

Комбаты молчали. И только заместитель командира полка сказал, что необходимо избежать окружения и за ночь успеть занять новый рубеж, стараясь наладить связь со штабом дивизии для дальнейших указаний.

– Товарищи командиры! Приказываю в срочном порядке, организовав группы прикрытия, отходить вдоль болота. Начальнику связи – попытаться наладить радиосвязь, начальнику разведки полка – послать конную разведку вперёд.

Всматриваясь в карту при свете тусклого фонарика, командир полка добавил:

– Необходимо соединиться с соседним полком и занять оборону вдоль реки Проня. Всем всё ясно, товарищи командиры? Ещё вопросы?

Вопросов не было. В такой обстановке все с трудом понимали, как нужно поступить, куда правильно двигаться для быстрейшего воссоединения всей дивизии. Принять решение было тяжело ещё и потому, что подробной карты этой местности у командира полка не было.

Наспех похоронив своих товарищей, присыпав их землёй, потому что по-христиански никак не выходило, собрав всё, что было ещё пригодно для дальнейших боёв, полк начал отход на восток.

Немцы ночью не стали атаковать, и полк, а точнее всё, что от него осталось, благополучно, маршем, дошёл до своих. Из штаба дивизии наконец-то был получен приказ, как будто комполка Мельников его предвидел: «Занять оборону на западном берегу реки Проня и совместно с 443-м стрелковым полком майора Ляшенко не дать немцам прохода к городу Чаусы, удерживая при этом железнодорожный мост как важный стратегический объект».

Уставшие, страдающие от ран, умирающие по пути бойцы, уцелевшие напуганные лошади, – от всей этой унылой картины сжималось сердце у старших командиров, и думали они: «Мы всё же пожить успели, а эти, двадцать с кепкой? Война проклятая, что ж ты натворила?!»

Глава 2. Окружение

Саня смотрел на реку и с тоской думал: «Вот бы закинуть сейчас удочку, наловить окуней да сварить бы ухи на костре, с дымком...»

Мишка прервал его мысли тяжёлым вопросом:

– Как думаешь, Саня, выстоим? – и добавил: – А домой-то написал?

– Две недели фашист проклятый продыху не давал. Мать с сёстрами, наверное, извелись, – грустно, как будто сам себе, говорил друг Мишка.

– Ребята из соседнего полка рассказали, что машины с полковой почтой несколько раз в щепки разносило. Так командование приказало беречь технику, значит, и письма доставить не на чем, хоть совсем не пиши. На лошади бы доставить, да по природе своей лошадь – животное мирная, не привыкла она к разрывам да выстрелам, вот и шарахается из стороны в сторону.

Мишка всё это говорил, а Саня всё молчал, по-прежнему глядя на красивое русло реки. Ему вспомнился совсем ещё маленький сын Колька, и воспоминания овладели им.

Те двое из Саниного отделения, кто навсегда остался лежать в окопе, были земляками Мишки и Сани. Теперь близкими земляками, оставшимися в живых в этом взводе, были только они.

Саня вдруг повернулся и обнял крепко-крепко Мишку, как брата, и тихо спросил, как будто боясь или стесняясь кого-то:

– Миша, а тебе мать молитву в дорогу давала?

– Какую молитву? – сначала не понял Мишка.

– «Живые помощи» называется, знаешь?

Михаил помотал головой и добавил:

– Я же комсомолец, Саня, какие молитвы?

Саня внимательно посмотрел на друга и уже почти шёпотом сказал:

– А мне мать положила, значит, на двоих будет.

– Что на двоих? – переспросил Мишка.

– Большой ты, Миша, а бестолковый. Ладно, проехали, давай лучше поспим, пока немцы нас не тревожат.

А немцы тем временем шли всей своей мощью, нагло и беспощадно. И казалось, что нет силы, способной этой мощи противостоять. Но на их пути вставал простой советский солдат, красноармеец.

Даже не во сне, а в какой-то тяжёлой недолгой дремоте находились бойцы после всего увиденного, пережитого. И как только немцы начали артподготовку вперемешку с миномётным огнём, нервы опять натянулись, как струны, и сон этот, поверхностный, неглубокий, тут же куда-то улетучился, исчез, будто его и не было вовсе. Это был уже не первый артобстрел наших позиций, но к этим разрывам бойцы ещё не могли привыкнуть, и, если снаряд или мина разрывались совсем рядом, всё тело вздрагивало, сжималось, как будто готовилось принять целиком все осколки на себя. Да и можно ли было привыкнуть ко всему этому ужасу? Казалось, это выше человеческих возможностей.

– Красноармеец Клыкков, Васька, пригнись, стервец, ведь зацепит же! – кричал вслед уходящему куда-то по окопу пареньку сержант Сизов. – И куда его понесло, шельму?

– Вот сволочи, лупят без остановки, видать, запасливые, и снаряды с минами никак не закончатся у них, – сокрушался конопатый красноармеец Теплов, как будто хотел перекрычать уже порядком надоевшие разрывы.

Но когда тот же снаряд попадал прямо в окоп, что случалось нередко, тут уж кричи не кричи, никто не поможет. И можно было надеяться только лишь на чудо.

– А хрен им в нос. Я погибну лучше, а в плен не сдамся, слышь, мужики?! – и Сизов показал откровенный мужской жест, ради которого даже на секунду пришлось отложить в сторону трофейный автомат.

И вот уже убит командир роты, и остались только от взводов чудом выжившие бойцы, которые держались стойко, пока было чем отбиваться. Немцы успели обойти наши позиции, поэтому командиры Красной Армии готовы были отдать приказ взорвать мост. Тем самым отходить оставшимся почти без единого патрона бойцам можно было только через реку, да ещё оставался узкий проход вдоль берега, по зарослям ивняка.

– Мужики, идите, пока не поздно, я прикрою, – закричал Мишка и залёг со своим пулемётом в небольшую воронку.

– Мишка, уходи: у меня ещё автомат и гранаты, целых две! – крикнул сержант. – Иди, красноармеец Линёв, я приказываю как старший по званию. Сейчас лейтенант без сознания, бредит, боюсь, не донесёте командира... Уйди, говорю, – и Сизов с силой толкнул рослого Мишку так, что тот чуть не упал.

– Каждая секунда дорога. Уходите! Обойдут ведь, – уже почти умоляющим голосом кричал сержант Сизов.

И когда четверо бойцов, тащивших на плащ-палатке своего взводного, почти скрылись в зарослях ивняка, Сизов что было мочи крикнул:

– Прощайте, братцы!

Они слышали, как ещё строчил сначала пулемёт, а потом и немецкий трофейный автомат, как рвались гранаты, но потом всё стихло. Они слы-

шали, но не помнили, как уходили, не чувствовали тяжести тела лейтенанта, не чувствовали усталости и страха. Всё перед ними было будто в туманном сне, не наяву. Вслед им плотно стреляли, и срезанные пулями ветки ивняка падали под ноги, осыпали их сверху, как будто была грозовая буря. Но вместо проливного дождя их накрывал свинцовый косящий поток.

Те, кто не смог вырваться, были захвачены в плен, остальные погибли в реке, и лишь немногим посчастливилось оказаться потом на другом берегу. А самое обидное было то, что железнодорожный мост по каким-то причинам так и не был взорван. И немцы им овладели.

Сколько шли бойцы – минуты, а может быть, часы, никто из них в полной мере не осознавал. И только когда лейтенант пришёл в себя, уже после переправы на противоположный берег, на двух рыбацких лодках, где-то вниз по течению, они как будто бы вышли из того дурного, тяжёлого сна, в котором был их разум совсем недавно.

«Сохранили ли знамя полка знаменосцы?» – думали вырвавшиеся из окружения бойцы.

– Товарищи, дорогие мои, – тихо, почти шёпотом, заговорил лейтенант, – где мы? Что с нами?

Красноармейцы всё объяснили своему командиру, рассказали про Сизова. И у лейтенанта блеснула слеза. Он хотел её вытереть, стесняясь, наверное, своих чувств, но его ослабевшая рука, едва двинувшись, упала беспомощно на землю.

– Не надо, братцы, – лейтенант первый раз назвал так своих подчинённых, – не надо, всё... Как же не хочется умирать вот так, быстро... Здесь меня похороните, не мучайтесь со мной... Слабею я, братцы...

Командир с каждой секундой угасал. Слова его произносились всё медленнее, тише, с большим усилием. Он ещё что-то хотел сказать, но не успел. Товарищи, склонив головы, стояли молча. И всё здесь вокруг противилось смерти. Цветы, пение птиц, любая мелкая букашка, – всё жило своей, не понимающей войну жизнью. И только человек должен был по каким-то нелепым, диким законам постичь, познать эту трагедию, горечь утрат и своё бессилие помочь товарищам.

– Вася, возьми планшетку лейтенанта и документы из карманов, – попросил Саня, а сам вместе с Михаилом принялся копать могилу.

Ещё один боец, Седов, из соседнего отделения, был ранен. Пуля прошла его навыворот, но двигался он самостоятельно, хотя и потерял немало крови.

– Не могу я по чужим карманам шарить, – воспротивился было Васёк.

– Теперь можно. Лейтенант уж ничего не скажет, не обидится.

Товарищи похоронили лейтенанта у высокой молодой белоствольной берёзы, на восточном берегу реки. Михаил аккуратно положил пилотку лейтенанта на край холмика и вдруг спросил:

– Мужики, а как звали по имени нашего командира?

Васёк посмотрел документы и грустно произнёс:

– Сергей Александрович, одна тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения, двенадцатого марта.

– Молодой совсем, жить бы да жить... Война, проклятая... Сколько ещё она жизнью унесёт... Война-то, я думаю, не завтра закончится, как ни крути, – сказал долго молчавший Седов.

Лицо его было бледным от потери крови, и для перевязки пошло всё чистое, что было у бойцов.

– Ну что, мужики? – обратился Саня к товарищам. – Идти надо. Только вот куда теперь? И где наши, знать бы, да не нарваться на немцев.

– Компас есть у лейтенанта в планшетке, – заявил Мишка. И добавил: – Только карту бы ещё, а без карты мы, как котята слепые.

– Может, тебе ещё и проводника выделить? – пробурчал Васька. – А может, самолёт, как генералу?

– Вася, какой ты злой, что ли, ей-Богу, и фамилия у тебя подходящая – Клыков.

– Да ладно, шуток не понимаете, – оправдывался Васёк.

– Пойдём ночью, так безопаснее, ночи пока не тёмные. Может быть, повезёт, на наших выйдем, – говорил с надеждой Саня. – Все мы тут рядовые, но я принимаю командование на себя. Седов хоть и старше меня, да сами видите, в каком он теле. Так что не обессудьте, товарищи, а к мнению моему прислушиваться придётся.

Саня не заикнулся про приказы, не умел он командовать людьми, поэтому и сказал помягче, чтобы постараться быть всё же наравне с товарищами. Бойцы не воспротивились предложению Сани, молча согласились и, укрывшись в небольшой ложбинке, решили отдохнуть до вечера, договорившись меняться поочерёдно на посту. Усталые, они, бывало, засыпали на ходу. Но дело в тот момент было вовсе не в усталости. А вот напряжение, то нервное напряжение, которое скопилось за время тяжёлых боёв, гибель товарищей, обида поражений, отступление и всё то остальное, что не может бесследно быстро исчезнуть, забыться, – всё это перебарывало сон, не давало расслабиться разуму, а с ним и телу. Состояние это преследовало их, казалось, с первого боя.

Они выдвинулись, когда на небе появились первые звёзды, и звёздное небо стало освещать им путь, и ночь, та, августовская, в начале месяца ночь, всё же не была ещё такой тёмной, непроглядной.

Ранним утром, когда росы уже начинают гнуть травы сильнее к земле, промокшие до пояса бойцы добрались до какой-то небольшой деревеньки. Белорусская эта деревенька ещё спала тем мирным сном, который был до войны, и тихую, умиротворяющую картину нарушали лишь петушиные крики, доносившиеся то с одного края, то с другого, а то откуда-то посередине.

– Слушай мою команду, – тихо сказал Саня, когда все четверо подтянулись к огромному старому вязу. – Подождём тут ещё, рано народ беспокоить, часов-то у нас всё равно нет. Но по петухам и так всё ясно. А потом в разведку кто-нибудь пойдёт. – И, помолчав немного, добавил: – Хотя вряд ли немцы есть в этой лесной деревушке, уж больно мала она, дворов двенадцать, может.

– И всё-таки без разведки нельзя, – подтвердил Седов.

А сам, пошатываясь, повалился на бугорок, где было посуше и поменьше травы. Рана давала о себе знать. Нужна ему была медицинская помощь, чтобы его две дырки заштопать. Да где ж её взять-то было?

– Что, брат, совсем хреново? – спросил Мишка у Седова.

На что тот только махнул рукой и тихо застонал.

– Вот ведь силища-то какая в человеке... И как по маслу просквозило, не задев, видать, ничего: ни костей, ни внутренностей. Удивительное дело. И всё же он ещё командира тащил, не бросил. Другой бы упал, кажись, а он... Жаль, если не помочь человеку. Может, здесь чем помогут? – и Мишка кивнул с надеждой в сторону деревни, где над первой хатой повалил дымок из трубы.

Разведать что к чему послали шустрого Васька. Тот долго не объявлялся. И когда товарищи уже начали нервничать, с другой стороны, а не с той, где его ждали, появился Василий, гордый и радостный.

– И чего это ты цветёшь, как майская роза? И где тебя столько носило? – ругались товарищи, но Васька был невозмутим.

– Немцев тут ещё не видывали, и не видать бы, так мне старая бабка сказала, а с ней две внучки, красивые девки, одинаковые... Можно идти, всё тихо.

– Вот-вот, ты и провалился, хоть в поиски тебя самого. Разведчик хренов, на девок он загляделся. Не ко времени, Вася, ты это затеял, не ко времени, – вроде как в шутку сказал Мишка своим баском. – И что значит «одинаковые»?

Они тихо вошли в крайнюю хату. Хозяйский пёс мирно дремал около хлева, под каким-то навесом, и только повёл глазом, приподнялся, гавкнул для порядка и опять задремал.

Видно, старым уже был, а может, добрым, кто знает. Поначалу хозяйка встретила незваных гостей опасливо, всё присматривалась, как будто изучая пристальным взглядом. Но потом постепенно разговорилась, стала расспрашивать: «Кто такие? Откуда? Куда путь держите?»

Бабке этой было не так уж и много лет, но сильная сутулость, седые пряди, морщинистые натруженные руки и какие-то грустные глаза, – всё это старило её. А ведь была когда-то и она молода и красива, как её внучки.

Бабушка Агафья (так она представилась товарищам), пока две сестры-близняшки накрывали на стол, всё внимательно выслушала, покачала головой и предложила первым делом, чтобы раненого Седова осмотрела соседка, умевшая врачевать на травах и слышавшая в округе знахаркой.

Седов лежал у порога, на старом изодранном топчане, и ему было уже не до еды. Голова его была горячеей, да и тело начало бить как в лихорадке, и ясно было бойцам пока одно: пошло какое-то воспаление.

– Вот что я думаю, – сказала подошедшая соседка, за которой сбегала Марьяна, та, что всё время украдкой поглядывала на Васька, – плох он у вас, оставлять его надо, лечить буду; плохо, если кровь испорчена, не смогу помочь.

– Как же оставить боевого товарища? А если немцы? Ведь они его первого... в расход, – воспротивился было Мишка, но взгляд, какой-то особенный, пронизывающий взгляд знахарки тут же заставил его закрыть рот.

К вечеру бойцы засобирались в дорогу. Бабка Агафья всё объясняла им, как лучше идти, обходить болото, где и в какой стороне соседние деревни. На дорогу собрала им еды и всё говорила, чтобы не переживали они за своего боевого товарища. А они, прощаясь с Седовым, понимали, что больше им не свидеться. Понимал это и Седов. Не в силах больше стесняться, он плакал, вытирая слёзы.

На прощание девушки помахали бойцам своими платками, а бабка Агафья перекрестила их вслед. Они втроём ещё долго оглядывались, затем скрылись за поворотом пыльной дороги с каким-то угнетающим чувством, что не могут помочь товарищу, что не могут защитить и эту девушку, если придут немцы. А что будет с жителями, с этими молодыми девушками-сёстрами? Переживали, что не воюют они, а блуждают, как чужие, прячась на своей советской земле будто трусы, и надо им обязательно выйти на своих, во что бы то ни стало, но выйти.

На этот раз небо заволокло тучами, погода опять сменилась, подул влажный ветер, и идти, не зная дороги, да ещё при плохой видимости становилось невозможно. Костров не жгли, чтобы не обнаружить себя, и на привалах сидели тихо, мало переговариваясь, потому что было совершенно непонятно, где они, может, у немцев под носом, хотя было ясно одно: передовая где-то ещё далеко от них, и её раскаты были слышны слабо, но доносились они с разных сторон, и не понять, откуда больше.

– Со всех углов ползут, гады, – нервно сказал Саня, прислушиваясь к далёкой канонаде. – И где мы теперь? Сколько отмахали? Вёрст пятьдесят с сегодняшним, не меньше. Теперь придётся днём идти, а так, точно, к чёрту на кулички уйдём, в болото какое-нибудь трясинное.

Утром прошёл дождик, тот тёплый августовский дождик, от которого начинали обычно расти грибы. Пройдя путь вдоль озера, наслаждаясь утренним воздухом, бойцы и не заметили, как подошли к дороге, и только звук движущихся бронемашин да мотоциклетный рокот заставили их залечь. Они с ужасом осознали, что едва не нарвались на немцев. Принимать какой-либо бой было безрассудством с их стороны, поскольку патронов почти не было, а в «ТТ» лейтенанта была лишь половина обоймы.

– Разъездились заразы, довольные, как у себя дома... Эх, сейчас бы «лимонок» ящичек, – посетовал Васёк.

– Эдакий ты, Вася, герой, да тут пушки три надо, не меньше, да взвод ребят бы... наших.

После слова «наших» у Мишки сжались кулаки, лицо его покраснело, и на мгновение показалось, что выйдет он сейчас на дорогу с этими кулаками один против всех.

Пока шли, думали: то ли к передовой пробиваться, то ли в тыл. Уже больше недели они, голодные, плутали по лесам. Порой видели то зайца, то птицу какую, но стрелять не решались: мало ли чего, обидно было бы вот так попасть в руки к немцам, да и патроны берегли. И только случай, какой-то счастливый случай мог им помочь или выйти на другой, более многочисленный отряд, также пробивающийся к своим, или выйти на части, которые не попали в окружение и стояли пока стойко на своих рубежах.

Время шло, в голову лезли всякие дурные мысли: а не посчитают ли их дезертирами, пока воюют все, а они тут по лесам шастают? и кто они

теперь, какого роду-племени? и где их полк? И сохранили ли всё-таки знамя боевое? От голода кружилась голова, и то, что находили в лесу для пропитания, слабо утешало.

Пробираясь сквозь густой молодой ельник, бойцы вдруг насторожились. Послышались разговоры, треск сухих сучьев, лошадиный топот, и в ту же минуту откуда-то из-за стволов деревьев, спрятанных за ёлочками, послышалась резкая команда:

– Стой! Кто идёт?

– Свои мы, братцы, свои, – отозвались почти хором товарищи.

– Свои все дома, – ответил молодой голос, и уже через секунды троих товарищей окружили часовой с подмогой.

– Дошли, всё, хоть поедим по-человечески, – так и обрадовался было Васёк, но тут же его приструнил Саня.

– Рано радуешься, сейчас нас ещё пощупают, кто мы такие.

– Что мы им, девки, что ли, чтобы нас щупать? – не унимался Васька.

– Ну, девки не девки, но и не кумовья со сватами, и смотрят они на нас, как на чужих.

– Мы для них пока элементы неизвестные, – добавил как-то по-научному Мишка и на всякий случай попятился спиной к здоровенной берёзе.

– Кто такие? – задал вопрос сержант с перевязанной головой, внимательно осматривая бойцов. – С какой части? Номер полка?

– А вы что за хлопцы такие храбрые, тоже непонятно, – опять своей язвительностью отличился Вася Клыков.

– Смотри-ка, прямо герои, – тут же заметил часовой, которого товарищи увидели первым.

– Ну, ничего, ерепеньтесь, сейчас всё как миленькие выложите, а может, и больше. Были тут одни, диверсанты, наших, сволочи, много положили, тоже с виду бедолаги навроде вас, – громко произнёс сержант и скомандовал: – Яша, оружие у них забрать! И... руки за спину, до выяснения. Шагом марш!

– Да ты глянь на нас повнимательнее-то, товарищ сержант. Какие же мы диверсанты? Не жравши больше недели, – с возмущением сказал Саня.

Но сержант угрюмо молчал и только посматривал по сторонам. «Как на расстрел ведут», – думали товарищи. Хорошее настроение куда-то быстро улетучилось.

– Ничего, разберутся, лишь бы командир их с комиссаром дельными оказались, а то могут и к стенке.

– Сплюнь, Миша, и не каркай, как ворона старая. Должны разобраться, и документы у нас лейтенантские, – успокаивал товарищей Саня.

– Да, скажут, убили лейтенанта сами, а документы забрали, а у нас нет ни хрена, кроме медальонов. Ты заполнял?

– Нет, – ответил коротко Саня.

– Вот и я нет, – с какой-то иронией подтвердил Мишка.

– У меня комсомольский билет, – вдруг неожиданно сказал Мишка.

– Миша, ты, быть может, спасение наше, дай я тебя расцелую, – пошутил неугомонный Васёк.

– Да иди ты... знаешь куда со своим целованием!

– Да я же снова пошутил, Миша, – и тут Васёк, запнувшись о толстый корень здоровенной ели, повалился носом в землю, едва успев задержаться руками, как будто они у него были связаны.

Все попытались помочь товарищу, но сержант гаркнул:

– Отставить! Стоять всем не двигаясь!

Как оказалось, вышли товарищи на остатки полка да ещё прибившиеся, как и они, батальона. Были там бойцы и из других частей. Смотрели на них с подозрением. Не понять было в суматохе тяжёлых отступлений, кто свой, а кто враг. Немцы часто забрасывали группы диверсантов – на войне все средства хороши.

Командир батальона с комиссаром встретили бойцов у землянки, куда их подвели. Васёк, вытирая рукавом гимнастёрки кровь из-под носа, шмыгал и что-то недовольно бубнил.

– И кто же его так? – заметил комиссар. – Рукоприкладство, сержант?

– Никак нет, товарищ комиссар полка, сам он неудачно упал.

Их долго допрашивали в землянке, по одному, комиссар изучил комсомольский билет Михаила. Доложили, как старшему в части, раненому командиру полка о новых бойцах. Потом их накормили, дали отдохнуть, зачислили в штат этой временной части.

Начались новые будни, короткие стычки с противником, но все понимали, что без пополнения, без регулярного снабжения из тыла боеприпасами и продовольствием долго не навоевать. Надо было отдышаться, набраться сил, хоть и не было на это времени. С каждым боем, бывало и затяжным, наши разрозненные подразделения задерживали врага, изматывали его, не давая фашистским полчищам двигаться на восток. Были подвиги и самопожертвования, всё это было. Только под натиском немецкой лавины многое не успевали фиксировать документально. Не до этого было, и о многих подвигах того времени не узнать нам уже никогда.

Глава 3. Осень 41-го

Мелкий морозящий дождь, с порывами ветра, промочил текст военной присяги, но капитан знал её наизусть. И ни одно произнесённое им слово не потерялось в шуме дождя, а доходило до каждого новобранца, до глубины его души, и повторяли они каждое слово, каждое предложение все вместе, чётко и громко. И была в этом во всём особая торжественность, особая сила. Назначенный командир роты, капитан Стрельцов, преклонив правое колено, правой рукой держал боевое знамя 473-го стрелкового полка, а в левой руке у него был текст присяги. Вновь прибывшие в полк красноармейцы, также преклонив колено, повторяли, не шелохнувшись, её текст. Все они были в касках. По лицам стекали капли холодного косоного дождя, но глаза их говорили о многом. Промокшее командование, промокшие бойцы, потемневшие от ненастья шинели, – вся эта картина не была праздничной; да и куда там до праздника, когда вот она, передовая, рукой подать. И слышен был этот гул фронта, его дыхание, и успеть надо было опередить немцев, любой ценой опередить.

На последнем привале разрешено было отдыхать до рассвета. Но какой это был отдых людям в лесу, в холодной октябрьской ночи, на дожде, готовом вот-вот перейти в мокрый снег. Костров разводить не разрешалось, да и что толку было от маленького костерка, постоянно гаснущего при такой погоде. Наломав лапника, Саня, Мишка и ещё три новых бойца из их отделения расположились под старой раскидистой елью. Под ней надоевший противный дождик уже не так доставал. Каждый думал о своём. Эти трое новобранцев из маршевой роты думали про первый бой: каким он будет для них, может быть, последним, и потому молчали, прижавшись друг к другу, будто цыплята.

А «бывалые» вспоминали погибших друзей... Васю Клыкова, который под Брянском добровольно вызвался в группу прикрытия, когда выходили с тяжёлыми боями из окружения. И вот дошагали почти до славного города Тулы, живые пока, почти невредимые, хоть и не прятались за чьи-то спины, и нечего им было стыдиться. Может быть, и им судьба уготовила смерть, как знать? Ведь, как известно, судьбу не обмануть, не обойти.

– Сань, а, Сань, не спишь? – Мишка легонько потрогал товарища за плечо.

– Успнёшь тут, дремота одна. А как выдвигаться, так хоть провалиться бы в этот сон надолго-надолго.

– Саня, а я слышал, что командир нашего полка боевой и стойкий. Под Витебском ещё часть свою из окружения раненый вывел. И сын его там погиб, совсем мальчишка, восемнадцати не было. Душевный человек, говорят, Краснопивцев.

– На войне душевным быть нельзя, на то она и война, – ответил Саня и плотнее прижался к сырому стволу ели.

– Ну, ты не скажи, Саня... Бойцы говорили, что лично, по возможности, всех обойдёт, спросит, есть ли махорка у красноармейцев, какая нужда особая имеется. И тепло после такого внимания у бойца на душе, что помнят про него, не забыли, а не только на смерть посылают.

Мишка, чуть не разбудив «молодёжь», заговорил громче:

– Может, ты и прав, на всяких мы командиров насмотрелись, всякого повидали, но как к скотине какой безродной к нам относиться не надо. – И уже тише добавил: – Ну, отходили, ну, бежали некоторые, было дело. Да разве только нас с тобой в этом винить, подумай сам.

Бойцы, озябшие, без горячей пищи, неохотно поднимались, когда объявили подъём. Позавтракав на скорую руку всухомятку, полк длинной серой колонной двинулся к Туле.

Вскоре разведка доложила, что немцы прорвали оборону соседней дивизии и устремляются к городу.

«Нужно успеть занять оборону, окопаться, выбрать удобные позиции... Только бы успеть, только бы успеть, – думал командир 473-го стрелкового полка полковник Краснопивцев. – И дивизии растянуты, их необходимо быстрее собрать в один кулак. Положение тяжёлое, враг через Тулу рвётся к Москве. Там ему, если что, и ремонтные базы, и тепло... Немец к холодам нашим не привык, а тут будто трамплин с одним прыжком».

Город успел принять осадное положение благодаря жителям, в основном женщинам, старикам, детям. Противотанковые рвы, заграждения из металла и колючей проволоки, заклеенные крест-накрест окна, – да и в самом городе всё говорило о том, что Тула не собиралась сдаваться врагу.

Полк Краснопивцева шёл по пустынным улицам города, но то тут, то там стали появляться любопытные физиономии подростков. Были среди них и девчонки.

– Ох и шустрые, видать! С такими мы точно город отстоим, не пропадём, и из города они не ушли, значит, верят в нас. Как думаешь, товарищ комиссар?

– Совершенно правильно, Михаил Петрович! Молодцы ребята! Не боялись, что немец рядом.

– Сначала в штаб армии, для дальнейших приказаний, – сказал полковник своим подчинённым. – Затем необходимо срочно встретиться с руководством города, они уже ждут, с командиром рабочего полка выяснить обстановку, осмотреть главные подступы к городу. И чем быстрее, тем лучше для всех.

Проходя мимо железнодорожного узла, Краснопивцев заметил одиноко стоящий состав с какими-то прикрытыми брезентом орудиями.

– Товарищ комиссар, я с начальником штаба туда, – и полковник указал рукой в сторону станции. – За меня командир первого батальона майор Козлов. Передайте, и не останавливать колонну, времени нет на формальности.

Комполка с комиссаром, в сопровождении нескольких автоматчиков, двинулись быстрым шагом к составу. На станции было также безлюдно. Командир приказал двоим автоматчикам снять маскировочный брезент с одного орудия. Пока бойцы делали своё дело, из сторожки, что находилась возле путей, выбежал седобородый дед со старинным ружьём и, потрясая им, что-то закричал.

– Не велено трогать! Кто такие? Это для фронта, отправить не успели, новенькие они ещё, – прошепелявил дед и уставился на полковника, затем недоверчиво спросил: – Ты тут главным будешь?

– Я, отец. Начальство имеется здесь?

– Было и начальство, милиция и вокзал охраняла, да ушли все, как немец пошёл. Вчера утром ушли. А пока я всё начальство... да ружьё моё. Понял?

– А ружьё-то стреляет, дед? – спросил начальник штаба.

Он давно уже не шутил, а дед этот невольно дал такой повод.

– А давай проверим! В гражданскую стреляло. И раньше стреляло.

– Товарищ полковник! Зенитки – это точно, новые, – крикнул один из сержантов прямо с платформы, – их несколько.

– Замечательно! Молодец, дед, что сохранил. Нам тоже для фронта. Мы прибыли к вам город от фашистов оборонять.

– Товарищ сержант, – обратился Краснопивцев к командиру автоматчиков, – пошлите посыльного. Пусть направят роту с техникой сюда, для разгрузки. Быстро. Время дорого.

– Нельзя без руководства завода, товарищ полковник, – возразил неуверенно полковой комиссар.

Но полковник резко ответил:

– Не время сейчас разбираться, чьи да куда. Всё наше, и нам эти зенитки ох как помогут! Радуйся, Иван Николаевич: будет чем самолёты сбивать, а то и танки останавливать прямой наводкой. Беру всю ответственность на себя. Всё ясно?

– Ясно, Михаил Петрович, будем действовать, – бодро ответил полковой комиссар.

Полк полковника Краснопивцева первым из дивизии, которая насчитывала лишь половину штатного личного состава, прибыл с западной стороны в город. Другие части ещё только подтягивались, хотя штаб их армии, на которую и была возложена основная задача оборонять Тулу, прибыл в город несколькими днями ранее. На центральной площади, где находился обком партии, было безлюдно. Только несколько человек из охранения курили у входа в здание обкома, о чём-то переговариваясь между собой. У здания часовые остановили командование полка для проверки документов. Людей в обкоме почти не было, и, пройдя по длинному коридору с красной дорожкой, командиры услышали за дверью кабинета первого секретаря громкий разговор, даже ругань. Постучавшимся в дверь командирам не сразу ответили, но затем раздался резкий нервный голос:

– Да, войдите!

Перед командованием полка предстали первый секретарь обкома, его помощник и командарм 50-й армии генерал-майор Ермаков, и другой человек в военной форме в звании полковника – наверное, начальник штаба армии. Его Краснопивцев видел первый раз. Военные поздоровались. Генерал попросил коротко доложить обстановку: боеспособность полка, численность и готовность выступить на передовую.

– Вот видите, товарищ первый секретарь, в каком состоянии армия? А вы требуете невозможного. Штаб дивизии этого полка ещё не прибыл, дивизии на марше. Уверяю вас, что такие командиры полка, как Краснопивцев, помогут тулякам. Если надо, то и насмерть будут стоять, – стараясь быть спокойным, говорил командарм. К тому же ждём скорейшего подкрепления вооружением и пополнения личного состава.

Но Краснопивцев видел, как генерал нервно мнёт папиросу, как ходит его кадык, как на шее пульсирует жила.

– Кто будет защищать город? Наш полк НКВД, рабочий полк да зенитчики. Они уже третий день ведут ожесточённые бои, а обещанная регулярная армия до сих пор непонятно где! – раздражённо, чуть не крича, говорил первый секретарь.

Командир полка с недоумением смотрел на первого секретаря, стараясь понять и в душе не осудить коммуниста, руководителя такой области. Но полковник был военным человеком и, поймав ещё в империалистическую, многое повидал. Военному, говорившему такое, он бы, наверное, не простил, но перед ним был гражданский человек, а не кадровый командир. Даже несмотря на все его упрёки, старался быть сдержанным и командарм, прекрасно знавший, в каком состоянии только что вышла из окружения из-под Брянска преследуемая фашистами его армия.

Да разве можно было тогда всё объяснить, тем более доказать? Не было на это ни сил, ни времени. И лишние пререкания были не нужны никому в такой обстановке. У всех нервы были на пределе, но сдержанность нужна была каждому.

Отправляясь из обкома в штаб армии, командарм приказал 473-му полку в срочном порядке выдвигаться на позицию южнее города, в район посёлка Красный перекоп, преградив тем самым путь гитлеровцам через воронежское шоссе к Туле.

– Вот что, товарищ полковник, – обратился командующий армии к Краснопивцеву. – Приказываю, пока не прибыл ваш комдив, держаться, держаться до последнего. Завтра вечером прибывает с Дальнего Востока 413-я стрелковая дивизия, подтянутся наши части, вам будет легче. Маршевые роты вот-вот подойдут. Всё ясно? Вопросы?

– Вопросов нет, – коротко и чётко ответил полковник.

Он поспешил было на командный пункт, чтобы отдать срочные распоряжения и приказы, но уже в дверном проёме командарм остановил его.

– Да, вот ещё что. Зенитчики отважно дрались, прямой наводкой танки уничтожали, у них командир взвода, Волнянский, погиб в одном из боёв, много танков они подбили, смело, геройски. Издайте боевой листок. Пусть все, от красноармейца до командира, знают об этом подвиге.

– Так точно, товарищ генерал-майор, обязательно выпустим, хоть и нелегко в такой обстановке.

– Нужно, полковник, как воздух нужен этот листок. Вам ли не знать, что такое боевой дух на войне. Да, и вот последнее: командование рабочим полком, совместно с полком НКВД, которые будут оборонять южный участок, передали майору Кравченко. Боевой командир, но его понизили в должности. Вы с ним общий язык найдёте, товарищ Краснопивцев, я уверен.

Генерал крепко пожал руку полковнику и быстро поспешил на улицу, где его ждал автомобиль. А полку предстояла нелёгкая задача: практически с марша занимать оборону. Немцы были уже у стен города.

Пока на передовой стояло временное затишье, этим воспользовались бойцы и командиры 473-го стрелкового полка, прибывшего в Тулу. Они успели окопаться, укрепить боевые позиции. Только вот полк был неполным, многих товарищей не было рядом. По привычке окликнет боец товарища, забудется, что тот уже не живой, а в ответ... тишина да свист пуль, и так на душе от этого тяжко, что хоть волком вой.

Обрадовались ополченцы, обрадовались чекисты подкреплению, правда, тоже поворчав при этом немного, но всё же быстро сплотившись в единый кулак. А как же иначе? Иначе и нельзя было, да и быть не могло.

– Саня, ты домой пишешь? – глядя на звёздное небо, спросил друг Мишка.

После короткого похолодания, несмотря на наступивший ноябрь, было достаточно тепло. Саня, немного помолчав, всё же ответил:

– Написал одно.

– А я вот ещё не успел. Всё не соберусь никак, как будто стыдно писать.

– Почему стыдно? Ты что, с поля боя бежал? Или трусил когда-нибудь? Ты это брось, Миша, слышишь?

– Вот, Саня, мы с тобой с самой Белоруссии отступаем, нахлебались вдоволь... Этим ещё не понять, хотя и они пороху уже понюхали, – и кивнул на недавнее пополнение отделения, мирно спавшее под тихим ночным небом, которое освещалось иногда ракетами.

– Всё, устал я отступать – убедительно продолжал говорить Мишка. – Если умереть, то здесь... Сколько же этот фашист проклятый нашей земли истоптал своими сапогами... Вон разведка говорила, что в Ясной Поляне немцы уже обосновались, сволочи, госпиталь устроили, своих хоронят рядом с могилой Толстого.

– А как из последнего окружения выходили, одному Богу, как говорится, известно, как командарм Петров погиб на той переправе через реку, название похожее с Рестой... Вспомнил: на Рессете. Разве это забудешь? Разве не дадим мы им по зубам, чтоб челюсти вылетали, как в той рукопашной? Ох и отвёл я тогда душеньку.

– Это который графом был, крестьянам помогал? Он, что ли? – зевнув, спросил Саня.

– Ну, ты, Саня, темнота деревенская... Про Льва Николаевича Толстого не знаешь...

Саня смутился, ему было неловко, что Мишка его поучает, да ещё обзывает темнотой.

– Сам ты темнота, всё я знаю.

– И кто тебе сказал, что мы отступать будем? Командование приказало стоять насмерть, и точка. А там уж как кому суждено... Давай, Миша, не думать, вздремнём чуток. Как рассветёт, эти паразиты опять ползут... Они на нас, а мы их в хвост и в гриву...

– Ну, до хвоста ещё далековато, Саня, а гриву мы им потреплем обязательно.

С рассветом танковая армада снова поползла на наши позиции. Немцы не забыли перед атакой наших позиций провести и артподготовку. Хорошо вооружённые немецкие части 2-й танковой армии Гудериана не жалели боеприпасов и утюжили наши позиции, как могли. Но, несмотря на всё это, нашим бойцам удавалось за день отбивать до десяти танковых атак противника. Немцы упирались словно в невидимую стену, удивляясь при этом стойкости и мужеству воинов Красной Армии.

Приходило пополнение, улучшилось снабжение боеприпасами, да и свежая, не потрепанная боями 413-я дивизия давала «прикурить» немцам на левом южном участке обороны. Дни шли за днями, и казалось, не будет конца немецким атакам.

В один из ноябрьских, уже морозных дней командование приказало полку Краснопивцева отбить захваченный немцами ещё в конце октября Рогожинский посёлок, важный стратегический населённый пункт на подступах к Туле. Совместно с 437-м полком и бойцами рабочего полка штурм был назначен на утро девятого ноября.

Полковник Краснопивцев лично решил обойти позиции своего полка, узнать настроение красноармейцев, их нужды.

Пройдя с комиссаром вдоль боевых порядков, командир остановился около старшего лейтенанта Артемьева, командира второго батальона. По штату командиром батальона положено было быть офицеру в звании не ниже майора. Но многих командиров среднего, да и старшего звена уже давно не было в живых, и на такие должности приходилось назначать наиболее отличившихся из числа «младших».

– Смирно! – скомандовал старший лейтенант и лихо доложил командиру полка.

– Вольно, вольно, товарищи красноармейцы. Как настроение? Завтра в наступление, знаете?

– Знаем, товарищ полковник. К бою готовы. Вот только валенки, которые выдали вчера... Никак не привыкнем к ним. Ногам тепло, а бежать неудобно – уж очень большие.

– Ну, это смотря куда бежать, – шутя, сказал командир. И уже серьёзно добавил: – Теперь только вперёд, назад пути больше нет. Пусть понемногу, трудно, но вперёд.

– Всё ясно, товарищ полковник, спасибо, – ответил кто-то из лейтенантов, глядя с надеждой на полковника.

Это «спасибо» тронуло Краснопивцева до самого сердца. Полковник в своём кожаном военном пальто, в шапке-кубанке выглядел по-военному солидно, и это внушало доверие. Но не внешним своим видом всё же вызывал доверие командир у своих подчинённых, а каким-то внутренним убеждением, которое часто исходило из глубины его души, и младшие командиры, и простые рядовые чувствовали это, понимали. Потому шли в бой отважно, зная и понимая, что рядом их командир, и в трудную, решающую минуту он не оставит, не бросит. Ведь были здесь, в строю, и уцелевшие воины – те, которые ещё под Брянском, в начале сентября, начинали свой боевой путь вместе с полковником. Сколько пережито, сколько отбито атак, сколько побед, пусть маленьких, но таких важных для них, сколько потерянных товарищей. Сколько всего за эти четыре с лишним месяца войны... Всего четыре месяца, а им казалось, что прошла целая вечность.

Проходя мимо Михаила с Саней, полковник остановился, внимательно посмотрел на друзей и спросил:

– Вы ведь, кажется, из 160-й Горьковской дивизии, товарищи?

– Так точно, товарищ полковник, – чуть ли не одновременно ответили земляки.

– С первых дней на фронте?

– Тринадцатого июля приняли первый бой.

– Ранения были?

– Никак нет, царапины только.

– Знаю, сколько пройдено, пережито, всё знаю... что не пали духом многие и многие из вас.

Полковник задумчиво замолчал, а потом добавил:

– Молодцы, молодцы, что живы и невредимы. Благодарю за службу, товарищи.

– Служим Советскому Союзу! – гордо ответили друзья.

Они первый раз вот так близко общались с командиром полка, и им было очень приятно это внимание.

С рассветом два стрелковых полка при поддержке местного ополчения начали штурм Рогожинского посёлка. Немцы не ожидали атаки наших частей, и потому к исходу дня посёлок был полностью очищен от фашистских захватчиков, с большим уроном в живой силе противника, несколькими подбитыми танками и бронемашинами, богатыми трофеями. Был уничтожен и большой склад боеприпасов немцев.

На окраине посёлка, недалеко от кирпичного завода, красноармейцы случайно обнаружили на территории винного завода чудом уцелевший склад готовой продукции.

После некоторых разбирательств и выяснений продукцию эту куда-то вывезли на грузовиках, возможно, в медсанбат, но по случаю такой успешной операции угостили и бойцов. Конечно, предлагались и боевые ежедневные «сто грамм» для воинов передовой линии, но многие, особенно молодые ребята, были не приучены к сорокаградусной. А тут было как-то всё по-особенному и кстати. Водка расслабила тело и душу, захотелось поговорить, как вели разговоры до войны, неторопливо, куря, бывало, при этом крепкий самосад, да так, что дым стоял коромыслом, если было это в каком-нибудь помещении.

– Слышь, мужики, а командир-то вас давно знает, – весело обратился боец Платонов к Сане и Михаилу, подсев вместе со своим товарищем ближе к землякам.

Солдаты эти были с самого Горького, и работали до войны на автозаводе. Пришли они с маршевым батальоном под Брянск и оттуда уже все вместе выходили из тяжёлого, длительного окружения.

– Мы ещё когда по лесу в Белоруссии плутали, вышли на его часть. Он тогда тоже каким-то полком уже командовал, только мало их оставалось, и сам он был ранен. Видать, запомнил нас, когда уже под Брянском на переформировании мы были. А так, получается, почти с середины августа вместе воюем, вот, – объяснил Саня.

Платонов был ранен в руку, но после осмотра и перевязки санитаров договорился не идти в санчасть, а остаться с ребятами. Не хотелось уходить от такой компании, и душу трогала солдатская дружба, и усталость, простая человеческая усталость, должна была куда-то выплеснуться, хоть на время уйти. Не было времени на полноценный отдых, ведь и железо не вечно, ржавеет, ломается, а тут человек, и ему когда-нибудь отдых нужен. Да и рана была лёгкой. И вспоминались горьковчанам Волжский откос, большие красивые пароходы, красавица Волга, и рассказывали они про всё это Мише с Саней с такой любовью и теплотой, что невольно прислушались и другие бойцы.

Кто-то предложил негромко спеть. И полилась русская песня. И тревожила души солдат до слёз. И они этой душой воспринимали всё уже совсем по-другому, гораздо серьёзнее и ближе, чем это было там, в той их жизни, на гражданке.

В один из дней по частям поползли слухи, что командарма отстранили от командования 50-й армией. «И что такого совершил генерал?» –

недоумевали многие и боялись, что это подорвёт боевой настрой, доставшийся такой ценой. Это было тяжело воспринимать. Каким будет новый командарм, не станет ли рубить с плеча, как было не однажды, – об этом вслух говорить было запрещено, тем более обсуждать.

Бои за Тулу носили затяжной и ожесточённый характер. С новым командармом, а также благодаря мужеству и отваге горожан, с переменным успехом и ценой больших потерь Тула выстояла. Многих фашистов наши части обратили в бегство, а хваленая армада Гудериана пошатнулась, и миф о непобедимой великой Германии, здесь, под стенами Тулы, был разрушен. Командиры и бойцы Красной Армии были воодушевлены недавними победами. Они уходили из славного города победителями.

– Мишка, ведь почти полтора месяца мы держались. Слышишь, Мишка? – ласково говорил Саня своему товарищу, когда того на носилках затаскивали в санитарную машину.

Михаила, надо ж такому было случиться, в последнем бою ранило осколком гранаты. Рана оказалась серьёзной, но не смертельной. Сانه было тяжело, скупые мужские слёзы появились на глазах.

– Ну, будет тебе, Сань, будет. Вот подлечат меня здесь, и я вас догоню. Зато из тульского самовара чаю вдоволь напьюсь! Не переживай, друг, – пытался шутить Мишка.

– Ты только после выписки обязательно наш полк догони... Обязательно, слышишь, Михаил?

Дверь захлопнулась, и санитарная машина, в которую поместили ещё нескольких бойцов, медленно тронулась, а потом скрылась за поворотом городской улицы.

Саня успел написать домой письмо. Короткое. Спрашивал жену Ульяну про дела в колхозе, про тестя, про родню. Наказывал, чтобы берегла сына Кольку. Сообщил, что у него всё в порядке, Тулу отстояли и теперь уходят. А куда, писать не разрешалось. Цензура ставила на каждом письме свой серо-зелёный штамп, и если было что-то лишнее, то не дожидались близкие письма.

А уходили они первый раз на запад. Угроза Москве ещё была велика. И кому, как не им, испытанным в боях, научившимся отступать, именно отступать, а не бежать без оглядки, предстояло выполнять дальнейшие, не менее важные, боевые задачи. В них верили командиры, верили и они в себя. А как же без веры? Нельзя без веры русскому человеку, и не только русскому, а и всем остальным, кто рядом, плечом к плечу, стояли насмерть, поднимались в атаку, вспоминая, может, каждый своего Бога, и каждый верил в общее дело. Так было. И в этом была единая сила, единая мощь.

Глава 4. Калужская земля

Декабрьское солнце низко висело над горизонтом, слепило не сильно и совсем не согревало своими лучами движущуюся колонну. Стоял трескучий мороз. Ветра не было. А накануне, когда шли ночью, была такая метель, что пробирало до костей. Но в изнуряющей этой непогоде да в кромешной тьме было и спасение. Немецкая авиация не беспокоила. Как шли, как находили нужный ориентир, мало кто понимал.

Пока шли, по пути ночами натыкались на немцев. Завязывался, как правило, короткий бой, и длинная колонна, с малыми потерями, опять продолжала свой долгий и тяжёлый путь по заснеженным лесам и полям туда, куда приказано было идти. И другого пути не было.

Впереди грохотал фронт. И этот грохот был уже каким-то привычным для бойцов. На одном из коротких привалов политрук роты Краснов попросил у красноармейца письмо, которое написал ему земляк с Ленинградского фронта, чтобы зачитать его перед всем строем.

В письме земляк писал: «Дорогой Николай, положение наше нелёгкое, но мы не пали духом. Идём на подмогу нашим. В болоте, которое проходили, под снегом оказалась незамёрзшая жижа. Сапог засосало, достать я его не смог. Обуть больше нечего. Чем смог, обмотал ногу. Хотел было берёстой, да в эту пору её много не срезать. Идти надо так. Хоть и не морозно ещё, но лежит уже снег. Так что, дорогой мой Коля, надо драться, и не сломить нас проклятым фашистам, покуда течёт в наших жилах кровь. И если уж так пришлось, то будем и босыми бить этих гадов, и если случится, то и зубами грызть. Прощай, Коля. Может, Бог даст, ещё свидимся. Твой друг Иван».

Письмо это было зачитано специально для поднятия боевого духа красноармейцев, особенно пополнения из числа новобранцев. Усталые бойцы с большим пониманием отнеслись к тексту письма. Тяготы и лишения сплавивали людей, заставляли мыслить по-иному. Двое суток им пришлось прошагать от Тулы на запад. Вечером, после привала, им предстоял ещё один бросок. Бросок к городу, который ещё в середине октября захватили немцы. Войскам 50-й армии приказано было выбить немцев оттуда и освободить этот старинный русский город. Объединив силы, получив подкрепление, наши части были готовы к выполнению поставленной боевой задачи. Хоть марш и достался нелегко, и времени на отдых больше не оставалось, задачу эту необходимо было выполнить, как всегда, с ходу.

Стоя на холодном декабрьском ветру на берегу Оки, полковник Краснопивцев пристально всматривался в темноту противоположного речного берега, пытаясь хоть что-то разглядеть, уловить. Приказав явиться командиру взвода разведки и командиру сапёрной роты, полковник поставил им задачу обследовать противоположную местность. Нужен был узкий проход, всего лишь узкий проход, чтобы не нарваться на мины и не обнаружить себя раньше времени. «Успеть бы до рассвета, да слаженно, быстро переправиться, – думал командир полка. – С ходу, внезапно, по льду – только так...»

– Товарищи командиры, пока немцы не обнаружили нас, предлагаю незамедлительно произвести переброску полка на тот берег по льду реки. Пока немцы развернут батарею или начнут миномётный обстрел, мы будем уже на том берегу. Нас поддержат части 112-й танковой дивизии. У кого будут другие предложения? – высказывал своё предварительное решение полковник Краснопивцев.

Все согласились и, не мешкая, начали переброску своих подразделений на противоположный берег реки. Немцы заметили наши части и,

сгруппировавшись, стали вести миномётный обстрел. Они не успели как следует скорректировать огонь, и мины начали падать сзади.

– Только вперёд, только вперёд, – командовал командир, увлекая за собой полк и уводя его быстрее со льда.

Почти без потерь были они на том берегу, и теперь ставилась нелёгкая задача: закрепиться в самом городе. С другой стороны, им на помощь подоспели части 31-й кавалерийской дивизии. Казалось, успех операции был близок. Но немцы предприняли ряд контратак и отрезали наши части от всей подвижной группы. И здесь полковник Краснопивцев попал уже в своё третье окружение.

В полуподвале было сыро и холодно. На старинном письменном столе тускло светила лампа-коптилка, сделанная из гильзы снаряда «полковушки». Командиры курили, перешёптываясь изредка меж собой. За столом сидели полковник Краснопивцев и «штабные» полка. У стены стояли капитан Трефилов, командир мотострелкового батальона, командир пулемётного эскадрона кавалеристов капитан Дорохов и другие командиры подразделений, сумевшие так же одними из первых ворваться в Калугу с разных направлений. Полковник всех внимательно оглядел. На стенах были видны косые продолговатые тени от человеческих фигур.

– Товарищи командиры, – обратился Краснопивцев к офицерам, – для нас сложилась довольно неблагоприятная обстановка, но, считаю, не критическая. На данный момент мы оказались отрезанными от основных наших сил и оказались в кольце. Но враг, по данным разведки на сегодняшний день, не так силен. Поэтому, как старший по званию, принимаю решение и беру командование всеми нашими частями, находящимися в городе, на себя.

В помещении воцарилась пауза, после которой командиры выразили свою готовность сражаться сообща, под единым командованием командира 473-го полка.

Калуга была захвачена врагом, но не сломлена. Многие горожане не покинули родной город. Да и куда им было идти в ледяную стужу? В один из дней полковник Краснопивцев решил собрать всех добровольцев из числа гражданских, кто мог держать оружие.

Из-за угла боязливо выглядывали два человека. Вид их был жалок. Осунувшиеся, исхудалые, они смотрели по сторонам будто загнанные волки, не решаясь выйти к людям.

– Слушай, Яша, ты как хочешь, а я не пойду, расстреляют нас, – говорил негромко тот, кто был повыше ростом, в шинели не своего размера, своему товарищу в ватнике и в раскрытой шапке-ушанке с плотно завязанными лямками под подбородком.

– У тебя хоть ранение было серьёзное. А у меня что? Царапина. Как пить дать расстреляют и разбираться не будут. Ты как хочешь, а я не пойду, – повторил ещё раз его сослуживец.

– По-твоему, как трусливым зайцам, тут трястись? Нас как людей местные под страхом смерти приютили, выходили, а мы, подлые душонки, и сейчас людям не поможем, когда им помощь нужна. Слышишь, полковник о чём судачит? И мы с тобой с поля боя не бежали, а бежали

от немцев из плена. Да ну тебя, Митя... Вон гляди – «наш брат» появляется, видно, не одни мы здесь с тобой бедолаги такие.

И Яков смело шагнул вперёд, а за ним и Митька решился идти туда, где шло собрание. Товарищей остановила группа наших бойцов, и после короткого разговора им было сказано, что с ними, как с военнообязанными, разговор будет позже, но опасаться не следует. Примерно половину пришедших составляли совсем ещё молодые парни и девушки.

Полковник говорил пламенно и проникновенно:

– Дорогие калужане! Спасибо, что откликнулись и пришли. В час нелёгких испытаний как никогда необходимы взаимопонимание и взаимовыручка. Наши части оказались в непростой ситуации, но любая ваша помощь будет являться залогом успешного исхода дела. Молодцы, что пришли к нам защищать Родину. Кто может и умеет стрелять, берите захваченные немецкие винтовки, гранаты и воюйте с ними. Если что, наши красноармейцы подскажут. Победа будет за нами, враг будет разбит!

Потом всех добровольцев внесли в список. А полковник направился к тем людям, что ждали в помещении котельной. Он молча внимательно посмотрел на них. Люди стояли, потупив взгляд. Было их немного, человек двенадцать, но, если судить по меркам военного времени, целое отделение. А отделение, бывает, может сделать многое.

– Здравствуйте, товарищи красноармейцы!

В ответ люди молчали. Они опешили от такого обращения. Опешил и комиссар полка, который был рядом. Тихо, как-то нерешительно, нескладно они всё же поприветствовали полковника.

– Надо бы их в тыл потом, для проверки, в особый отдел. Михаил Петрович, не внушают они мне доверия, – тихо на ухо проговорил комиссар полка командиру.

– Ничего, Иван Николаевич, проверять будем здесь и быстро. У нас сейчас каждый человек, каждый патрон на счету, беру всю ответственность за них на себя.

– Согласен, товарищ полковник, и всё же как можно аккуратнее с ними.

– Бои будут тяжёлыми, товарищ полковой комиссар, вот они и покажут себя, эти бойцы. А у кого грешок есть, пусть кровью искупит. Подкормить бы их хорошенько, да у самих скоро одни сухари останутся. И всё-таки я отдам приказ поставить их на довольствие и зачислить временно в полк после нашей проверки, – подытожил полковник.

– Я на позиции. Вы со мной?

– Отдохнуть бы вам надо, товарищ полковник: вид у вас какой-то нездоровый. И снайперы, говорят, постреливают. Осторожнее, прошу вас.

– Ничего-ничего, вот выбьем врага из города и обязательно отдохнём, выпьем за победу, – ответил Краснопивцев и пошёл с несколькими автоматчиками к бойцам.

– Как настроение, товарищи красноармейцы?

– Нормальное настроение, товарищ командир полка, только махорка заканчивается.

– Ничего, товарищи, помощь уже близка. Скоро основные наши силы должны к нам прорваться, да и молодёжь здесь геройская, почти дети ещё, а вызвались помогать. Кто постарше, винтовку просят, так что

в наших рядах прибавилось. Ну а насчёт махорки... есть ещё НЗ... Прикажу всем поровну выдать, только придётся уж экономить, а то вон иной раз глаза на лоб у некоторых от крепкой затыжки, кто только курит недавно.

Все, кто был поблизости, заулыбались, и настроение действительно улучшилось: умеет командир подбодрить, умеет.

Порой приходилось биться тяжело не то что за улицу – за дом. Фашисты будто совсем озверели, словно выгоняли их с давно насиженных мест, выбивая часами то с одного, то с другого дома. И если бы сил побольше... да боеприпасов... Правда, постепенно таяли и наши ряды, и необходимо было срочное подкрепление, но бойцы не сдавали отбитых с таким трудом новых позиций, и дом за домом, улица за улицей даже в таких неравных, тяжёлых условиях освобождались от фашистов.

– Эх, как там кони наши... Сердце кровью обливается. Человек может сообразить, залечь, за угол спрятаться. А конь что? Конь животное мирное, преданное, – всё говорил и говорил кавалерист пехотинцу о своём друге коне.

В небольшом двухэтажном каменном доме, где они держали оборону, укрепился пулемётный расчёт, да ещё несколько бойцов из других подразделений.

– Теперь вон какая техника... Что ты на своём коне против танка? Мордой лошадиной напугаешь?

– Много ты понимаешь, пехота... Когда пешим вёрсты отматываешь, мечтаешь, наверное, какого-нибудь коня оседлать, если сможешь, конечно, – и кавалерист хмыкнул, решив, что утёр нос пехотинцу.

– А ты, Семён, опять стихи сочиняешь? Не вовремя ты, брат, затеял это, хотя стишки у тебя душевные получаются, – перевёл разговор неумолкающий пехотинец на бойца, тихо сидевшего в углу и сосредоточенно писавшего что-то чернильным карандашом.

– Сенька, прочитай стих-то. Может, полегчает чуток, а то ждать да догонять – хуже нет, особенно фрицев этих, – не унимался пехотинец.

Боец, прибывший с маршевой ротой из госпиталя, тоже стрелок, не хотя, но всё же ответил:

– Письмо я пишу. Только не знаю, дойдёт ли... Освободили ли наши город? Как они там?

– Ты же говорил, что из деревни родом и призывался оттуда...

Семён тяжело вздохнул. Видно, нелегко было вспоминать то, что с ним произошло, но он решил рассказать. Товарищи не знали, откуда он попал к ним в часть и что с ним было до того.

– Пишу я, парни, в город Ефремов, что находится на окраине Тульской области. Бились мы тогда трое суток, много наших товарищей немец убил, много в плен взял. Командир роты наш приказал всех раненых в тыл переправить, да только все подводы немцы разбомбили, не на чём переправлять стало. Тогда спрятали нас в заброшенном сарае, и я там оказался. Все, кто мог в руках оружие держать, до последнего бились, а потом всё стихло. Ни взрывов, ни свиста пуль. Вот лежим мы в этом сарае, раненые все, кто тяжело, кто средне. Сено, правда, было в сарае, всё не на голой земле, на улице конец октября, лежим и думаем: всё

равно помирать, немцы уже, похоже, город захватили, терять нам нечего, ночью, кто сможет, выбираться будем. Только собрались, когда время пришло, слышим вдруг разговор тихий. Насторожились мы, было у нас несколько винтовок, патронов малость. Прислушались внимательнее, а говорят-то по-нашему, по-русски. Ну, думаем, полицаи. Хотя какие полицаи? Город-то только к вечеру немцы захватили, не сходится что-то. Вроде как голоса-то не взрослые, а не поймёшь сразу. Тут медленно ворота кто-то стал пытаться открывать. Мы на изготовку, кто смог на ногах стоять, чтобы шуму не поднимать, стоим, ждём. Темно уже, видать плохо. Вдруг голова просунулась. Ладно, эта голова первой заговорила мальчишечьим голосом: «Кто здесь? Мы свои, русские».

Тут мы и выдохнули с облегчением. Два брата-подростка это оказались, за сеном пришли: Володька, а тот, что постарше, Слава. Корова у них была своя. Немцы сено в стогах, припасённое на зиму, сожгли, вот и пришли они в колхозный сарай за старым, прошлогодним сеном, – корову-то надо чем-то кормить. Так они нас и нашли. Родителям своим сказали о нас. Те тайком снаряжали сыновей своих к нам по ночам с едой разной. Приносили простыни, тряпье всякое чистое для перевязки. Время помогало: хоть и холодно было, зато раны не загнивали. Не то что летом, в жару. Да разве нас, столько ртов, прокормишь... Около двух десятков, шутка ли. Так они – самим есть нечего – корову свою зарезали и нам похлёбку варили, и так примерно около месяца. На окраине они жили; ума не приложу, как сами голодной смертью, под немцем, не умерли, нас спасали. Немцы нас так и не обнаружили. Когда нас освободили, бойцы после нашего рассказа ушам своим не поверили, мальчишек с родителями наши допрашивали, но всё обошлось, как и нужно. А город ещё очищали от фрицев, когда нас в госпиталь отправляли всех, кто живой остался. А таких большинство оказалось. Правда, у нескольких выживших бойцов ампутация была, но и то удивляюсь я до сих пор, что два подростка столько красноармейских жизней спасли. Вот и пишу письмо благодарности их родителям за таких детей, настоящих мужиков. Может, дойдёт, хотя сложно сказать... Потом ещё писать буду. Не забудешь такое никогда.

– Да, вот эта история посильнее любого стиха будет, пожалуй, – протянул разговорчивый пехотинец.

И только хотел было что-то добавить, но сержант Савченко, командир пулемётного расчёта с ППШ, не расслышавший Сенькин рассказ, строго прикрикнул:

– Отставить разговоры!

Затем он присел у оконного проёма, внимательно наблюдая за обстановкой на улице.

– Сколько коробок с патронами к «Максиму»? – спросил сержант у пулемётного расчёта.

– Две, товарищ сержант, есть ленты, – крикнул помощник пулемётчика.

– Опять лезут, сволочи, приноровились за танком прятаться. Малой, гранаты противотанковые остались? – крикнул сержант молоденькому бойцу маленького роста, который в своём великоватом ватнике казал-

ся совсем мальчишкой с большими серыми глазами, с узким и каким-то тоже маленьким лицом.

– Никак нет, товарищ сержант, – ответил пронзительным голосом малой, – вчера израсходовали. Бронебойщиков бы надо, пусть они его, паразита, поджарят.

– Смотрите, мужики, он что, пьяный? – крикнул пулемётчик Федя Москвин. – Ну, герой!

Никто даже не стрелял, хотя все были на изготовке. Немецкий офицер шёл медленно, но уверенно. Может, ему надоело, что атаки его взвода, да ещё с танком, упираются в какую-то неприступную крепость в виде старого русского кирпичного дома.

– Глядите, офицер, похоже, впереди танка идёт. У него что, мозги отшибло?

Кто-то приготовился уже выстрелить из винтовки, но в ту же секунду офицер ринулся к зданию, где засели красноармейцы, пытаясь увлечь за собой идущих сзади пригнувшихся автоматчиков.

– Очумел фриц, что ли?! – крикнул кавалерист.

Автоматчики не решились идти напролом, и офицер оказался один на один с нашими бойцами. В это время выстрелил вражеский лёгкий танк, левее, чтобы, наверное, не зацепить своего. Офицер с «вальтером» в руке успел невредимым забежать в дверной проём, что-то крикнул по-немецки, выстрелил, но в это время на него навалились красноармейцы.

– Вяжи его, ребята! Есть чем? У, морда фашистская, психическую атаку удумал. Думал, нас голыми руками взять можно? Хренушки им, – кричал всё тот же сержант Савченко. – Малой, Петруха, давай бутылку, жечь будем эту железяку. Беречь патроны, короткими стрелять прицельно, короткими...

Немец всё время что-то говорил на своём и всё кричал: «Руссиш капут...»

От второго выстрела разворотило оконный проём, посыпались на головы красноармейцев кирпич и штукатурка, зацепило Федю Москвина и ещё нескольких бойцов осколками от снаряда и кирпичей, и с минуту нельзя было ничего разглядеть из-за пыли и копоти.

Этот немецкий взвод упрямо атаковал наших в течение дня раз шесть. Подкрепления у него не было, но он и не собирался отходить совсем. Казалось, что и вражеский танк должен бы израсходовать весь боезапас, и дом был изрешечён осколками и пулями, но добротная, ещё старинная постройка с толстыми стенами из красного кирпича каким-то чудом спасала бойцов, находящихся внутри.

– Ну, гад, молись своему богу, немчура. Прикройте, ребята! – сказал громко сержант и тут же скрылся за развалинами соседнего здания.

Сколько длилось это ожидание? Вдруг бойцы увидели, как воспламеняется танк и из него выскакивают танкисты.

– По танкистам стреляй, чтоб не ушли, поганые! – кричал кто-то. – Сержанта не зацепите, что-то не видать его, может, ранило.

– Убегают фрицы, ребята, видите! – ликовал малой и зло стрелял им вслед. – Отстояли мы дом-то! Царствие небесное тем, кто строил его, на совесть делали.

Через некоторое время появился и сержант Савченко, раненый, правда, но живой и довольный.

Некоторые части были всё ещё на противоположном, правом берегу Оки, но они не имели возможности помочь своим. Немцы настолько пристреляли тот берег, что ни днём, ни ночью не давали нашим возможности атаковать. Нужны были силы с других направлений, и эти силы были близки. Нужно было только не сдавать позиции в самом городе, нужно было выстоять. Тяжелораненых было много. Местные ребята, подростки, приходили на помощь красноармейцам, проявляя смекалку и недетскую выносливость.

– Слушай, Вовка, раненых много у наших, умирают они, надо им помочь, – говорил шустрый паренёк Серёжка своему другу.

– Как же ты им поможешь? Старший брат мой, тому хоть винтовку доверили, немцев бьёт, говорил, что полиция ненавистного подстрелил. А мы на что годимся?

– Я знаю, как помочь. Правда, опасно это, но всех ребят соберём, которые смелые, добровольно пойдут.

– И что же ты придумал?

– Помнишь, мы на фанерную фабрику на экскурсию ходили? Помнишь?

– Ну и что?

– Там листы фанеры были с загнутыми краями... Не знаю, для чего такие, но теперь точно знаю. Только бы были они там, – с надеждой, взволнованно говорил Серёжка

– И не понял я, для чего они... Ведь не железо, от пуля не прикроешься.

– Эх ты, Вовка, Вовка... Ну, смекай же. Мы из них волокуши сделаем. Отверстия просверлим, верёвку, чтобы тянуть, и раненого закрепим. Понял? И на тот берег ночью, к своим.

– Ну, ты задал задачку... Нас же перестреляют всех или утопят, как котят. Ты видел, что творится?

– Видел, Вовка, видел, только мы левее пойдём, рядышком с понтонной переправой. Немцы её больше не обстреливают. Может, думают, что самим пригодится, и кто знает, что у них в их бешеных мозгах. А у самого берега лёд скорее всего затянуло уже, ночи-то морозные. Туда раненых, а оттуда, может, еду, боеприпасы, может, ещё что. Теперь понял?

Вовка не сразу ответил. Он раздумывал, как заправский мужик, сморкался в снег и вскоре отчётливо, громко выдал:

– Молодец, Серёжка, молодец! Хорошо придумал, побежали скорее на «фанерку».

Ребята были рады. Те листы, о которых говорил Серёжка, лежали в целости и сохранности. И фабрика была на нашей стороне.

Сколько ребята спасли человеческих жизней, подсчёт не вели, да и не нужно им это было. Важно одно: чтобы больше, как можно больше. И они делали это опасное, нелёгкое дело, переправляя на фанерной волокуше вместе со своими друзьями очередного раненого. Им разрешали командиры и просили только об одном: чтобы были осторожнее, чтобы берегли себя.

Глядя на ребят, на их усталые лица, бойцы и командиры героически шли в бой, хотя атаковать было тяжело, но это было нужно, чтобы немцы совсем не обнаглели и не думали, что силы русских на исходе.

– Товарищ полковник, Михаил Петрович, вы рискуете! Так нельзя! Слишком опрометчиво! – кричал комиссар полка своему командиру.

Но полковник уже начал атаку, увлекая за собой бойцов, показывая, что и в окружении можно умело контратаковать и побеждать. Немцы, не ожидая такой дерзости, обратились в бегство. Часть из них приняла рукопашную, но перевес оказался на нашей стороне, и это была очень важная, пусть небольшая, но всё же победа.

Позже полковник скажет об этом и поблагодарит лично многих бойцов и командиров. Шутка ли, отвоевать у немцев целый городской квартал и закрепиться на новых городских рубежах. Вся юго-восточная часть города была отбита у немцев.

– Теперь ждать удара основных сил, товарищи, ждать и держаться, беречь каждый патрон, – в очередной раз склоняясь над картой, говорил полковник.

Его внимательно слушали, его понимали. Он не был жестоким, но, когда было нужно, мог быть суровым, и об этом знали его подчинённые, узнали и те, кого он объединил.

– Стой! Кто идёт? – окликнул Саня двигавшуюся медленно небольшую человеческую фигуру.

Во тьме заводского корпуса было не разглядеть, кто шёл, едва просматривались только какие-то очертания. И один ли? Но что-то ему подсказывало, что идёт кто-то свой, идёт спокойно, не спеша. С того конца послышался голос:

– Дяденька, не стреляйте, я вам поесть принесла.

– Часовых видела ли у входа?

– Видела, дяденька, они и пропустили меня. Мне к командиру вашему. Можно?

«Что же не сопроводили девчонку? А если бы не ответила?» – подумал Саня, разозлившись на часовых, которые там совсем, наверное, замёрзли на морозе, хотя и тут было ненамного теплее. Скоро смена. Только по ночам бои прекращались, но всё же приходилось быть на чеку: мало ли что взбредёт им в голову, этим «гансам». Выпьют своего шнапса – и герои, и мороз вроде им не страшен, песни начинают орать как очумелые.

– Вот Бог отвёл... И откуда же ты взялась здесь? – сказал вслух Саня, облегчённо выдохнув. – Ты одна?

Саня понял, что это была девочка, по голосу лет десяти-двенадцати. Рота его недавно заняла территорию завода «Мехштамп» и укрепилась в главном корпусе. Немцы яростно предпринимали новые атаки, но рота крепко держалась, хоть и оставалось мало боеприпасов, и их приходилось добывать у немцев. Отбивать врукопашную, захватывать с боем. Голод терзал сильнее холода. Всего несколько дней прошло, как охватили их всех в кольцо, но как же нелегки были эти дни. Понятное дело, в окружении никогда не сладко, постоянно давит эта обстановка на бой-

цов и командиров, но летом, когда тепло, всё же легче. А тут сутками на холоде, почти без еды.

– Чего же ты одна, в темноте? А если убьют?

От собственных слов Сане стало как-то не по себе.

– Ночью не так стреляют, дяденька.

– Ишь ты, смелая какая.

Девочка осторожно проходила мимо бойцов, дремавших у стен и неразборчиво бормотавших что-то во сне. И только отдельные слова можно было уловить: «Огонь... вперёд... прикрой...»

Раненые солдаты рядами лежали на каком-то тряпье на бетонном полу, кто-то стонал, кто-то просил пить. Можно было только растопить снег, не чистый, грязный от войны, и хоть так облегчить их страдания. Легкораненые по-прежнему держали в руках оружие, но им давалось это с большим трудом.

Девочка подошла, протянула узелок. Он был небольшим. Да и не смогла бы такая хрупкая на вид девчонка, когда осветило её фигурку тусклое пламя костра в каком-то закутке, нести что-то тяжёлое, неподъёмное. Но и не в этом было дело. Скорее всего, несла она последнее, что было в семье, отрывая от себя и от матери с младшим братом. Несла бойцам Красной Армии, в надежде, что скоро освободят её родной город, что не будет больше в нём этих проклятых фашистов, совсем озверевших после подхода наших, расстреливавших за малую провинность гражданских людей, вешавших подпольщиков после страшных пыток. Всё это детским сознанием воспринималось так глубоко, что девочка была взволнована, напугана всем этим, но, преодолевая страх, она готова была хоть чем-то помочь своим.

– Вы не стесняйтесь, ешьте, – сказала девочка.

Увидев, как много было в здании бойцов, она смутилась и тихо добавила:

– Правда, мало тут, но я... я ещё завтра приду. Когда немцы пришли, нас из квартиры выгнали, мы потом в подвале жили, а недавно дом освободили и немцев из него прогнали. Но мы к бабушке перебрались. В доме совсем холодно, отопления нет никакого. А у нас бабушка на окраине живёт, у реки. У нее огород свой, и картошка есть, и морковь, всего понемножку. Она от фашистов проклятых старалась запасы прятать. Только кур всех они сожрали и по осени весь огород танками распахали.

Бойцы не знали, что сказать, как поступить с её гостинцем. Может, отправить назад? Но она же старалась, от своего чистого детского сердца несла этот гостинец, пройдя опасный сумрачный путь.

Наконец ротный ласково всё же ответил девочке:

– Мы твой гостинец раненым отдадим, так и поступим. Только ты не приходи сюда больше, опасно это.

Он стоял перед ней, как ей показалось, такой огромный, в своём овчинном полушубке, высокий и статный, этот командир второй роты старший лейтенант Дубасов.

– Ты не обижайся, ладно? Как звать-то тебя, такую отважную? – спросил Дубасов.

– Настя, – ответила девочка и закашляла.

– Ты, Настя, не подумай ничего такого, только не хватит на всех нам твоих гостинцев, а продукты эти вам нужнее... Вон какая худенькая... И лечиться тебе как-то надо, на улицу в такой мороз не ходи.

– Я до войны в балетный кружок ходила, – ответила Настя, – вот и худенькая. Там толстеть никак нельзя...

Бойцы заулыбались. Сколько теплоты почувствовали они от этой Настёны. Огрубевшие души их давно уже не получали такой теплоты. Бойцы поблагодарили девочку, а командир роты приказал двум красноармейцам скрытно проводить её до того места, где она жила. Это была уже отвоёванная земля, по праву наша земля. Девчушка была благодарна этим солдатам, этим дяденькам, строгим и хмурым на первый взгляд.

Утром фашисты предприняли попытку захвата командного пункта полковника Краснопивцева, и роте Дубасова вместе с ротой автоматчиков да взводом разведки было приказано срочно идти на помощь.

– Вот змеи-горынычи, мать их! Опять нас хотят подпалить, слышь, Сань, – кричал боец Тихомиров своему другу.

– В ранец бей ему, гаду, сзади обойди. Засел фриц, не выкурить.

– Да он не один видно. И чего только не придумают супостаты... Мало им, что весь город в руинах после всего, так теперь ещё и эти, поджигатели.

– Отводите командира быстрее! Танки на позиции, сейчас стрелять начнут! – кричал Дубасов штабным. – Ближе к реке отходите! Видать, подкрепление немцы получили. Мы прикроем! Скорее, сейчас здесь жарко будет!

С большим трудом удалось отбить командный пункт, но немцы усилили натиск и начали отодвигать некоторые наши подразделения к лесозаводу, прижимать к Оке. Казалось, невозможно было уцелеть от пикирующих бомбардировщиков и постоянных артобстрелов, но бойцы держались и стояли насмерть. Только силы становились неравными, силы наши таяли. И были такие злость и обида, что с огромным трудом отвоёванное приходилось оставлять. Бомбы, иногда перелетая улицы, падали в реку, поднимая столбы ледяной воды и крошево ледяных осколков, долетавших до лесозавода и его территории.

– Прижали нас всё-таки немцы, – с досадой сказал комиссар полка. Помолчав, спросил: – Связь наладили, Михаил Петрович? Что известно о штурме?

– Нет, не всех прижали, наших бойцов ещё много там, впереди, – полковник указал рукой в сторону города. – Будем держаться до последнего.

Затем он добавил:

– По последним данным, командарм отдал приказ о штурме. А когда именно начнётся штурм, мы не знаем. Связь оборвалась, своих бы не перебили... Связь должны бы уже восстановить. Знаю, что связисты после бомбёжки по ледяной воде провод тянули.

Вдруг Краснопивцев к чему-то внимательно прислушался.

– Слышите, слышите, Иван Николаевич?!

Все, кто был в блиндаже, возведённом бойцами за ночь из приготовленных для распилки брёвен, выбежали наружу. Декабрьское, ещё звёздное, предутреннее небо озарилось яркими, светящимися, летящими с каким-то пронзительным свистом снарядами.

– «Катюши», «Катюши» бьют! Штурм! Наши, товарищи! Наши!

Командиры радостно и облегчённо начали обнимать друг друга.

– А я ещё ни разу залпа «Катюш» не видел! Как красиво, грозно летят снаряды! – прокричал кто-то из штабных.

Вскоре загрохотала, забила грозно наша артиллерия, ударив всей своей мощью. Калуга была охвачена в полукольцо. Немцы в панике стали бросать оружие и награбленное в городе добро.

Бойцы, объединённые полковником Краснопивцевым, хоть и уставшие, голодные, но воспряли духом и ринулись на фашистов, казалось, с новой, откуда-то взявшейся силой. Своя у них была злость в этом городе на них, особая. Ведь многие впервые воевали в городских условиях. И насмотрелись они здесь вражеской подлости больше, чем где-либо. И дни эти, проведённые в боях, в окружении, достались им нелегко и большой ценой.

Немцы превратили центральный вокзал в настоящую крепость. И бой был жестоким за него. Много вагонов потом обнаружили наши бойцы с награбленным добром для отправки в Германию, да так и не успели фашисты отправить свою добычу. В нескольких вагонах подошедшая на помощь бойцам из 290-й дивизии всё та же вторая рота Дубасова обнаружила нечто необычное.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился к ротному молоденький совсем, после ускоренных курсов, командир первого взвода, – да тут гостинцы немецкие... Видимо, немцы с размахом здесь Новый год собирались отметить. Ну ничего себе...

В вагонах, помимо обмундирования и чистого белья, находились коробки с коньяком, шнапсом, шоколадом, копчёной колбасой, консервами и прочей закуской.

– Содержимое проверить, после этого, я думаю, детям в первую очередь нужно раздать. Доложу командованию, – серьёзно сказал Дубасов и добавил: – А пока выставить около вагонов часовых. Ясно?

– Так точно, всё ясно. А как проверять, товарищ старший лейтенант? На вкус?

«Мальчишка ещё совсем... Ну, ничего, это не страшно», – подумал ротный и собрался было обследовать другие вагоны, но вопросы не кончались у взводного.

– А коньяк? Как же коньяк? Многие бойцы его и не пробовали. Знатный, наверное, коньяк! Ведь Новый год завтра. Может, прихватим для своих? – тихо произнёс взводный. – Заслужили как-никак, хоть и трофей, но зато какой. За победу их же коньяк и выпьем! А может, и неправильно это?

И лейтенант брезгливо поставил красивую бутылку назад, в ящик.

– Не переживай, Сергей: бойцы твои на «сухую» Новый год не встретят, я позабочусь. Всё ясно?

– Всё ясно, товарищ старший лейтенант. Разрешите идти?

– Иди, Тулупов, иди.

Дубасов с какой-то теплотой посмотрел вслед быстро уходящему взводному и подумал: «Живой, без ранения, хоть и повоевал-то только здесь, но зато как! За бойцов не прятался. С такими командирами мы победим, обязательно победим. И до Берлина дойдём».

А часовым никак не хотелось стоять у вагонов. У всех было победное предновогоднее настроение, но приказ есть приказ.

К полудню тридцатого декабря город был полностью очищен от фашистских захватчиков.

На западной окраине нашим частям удалось освободить госпиталь, захваченный фашистами ещё в начале оккупации. Немцы тогда стали его использовать для лечения своих. Вот те двенадцать бойцов, что объединил Краснопивцев, как раз и были из этого госпиталя. Фашисты всех наших тяжелораненых расстреляли, а остальных взяли в плен, поместив в непригодное помещение. Многие из красноармейцев умерли без какой-либо медицинской помощи. Но были и те, кто чудом вырвался из плена и вопреки смерти, дождался освобождения.

На следующий день на площади был митинг, посвящённый освобождению города. Попросили выступить одним из первых героического, всеми уважаемого полковника Краснопивцева. Такой подарок Красной армии к Новому году дорогого стоил. Полковник говорил пламенно, душевно, и от слов его, добрых, чувствительных, у многих текли слёзы. Многие хотели пожать ему руку, поблагодарить, обнять.

И простым солдатам были сказаны искренние слова благодарности, уважения и почёта. Оглядывался назад солдат и думал: «Нет, невозможно это превозмочь обычному человеку, выше сил его это всё: боль от ран, страдания, голод, холод, гибель товарищей. Но выстояли, прошли. Значит, можно противостоять и этой тёмной силе, и бить её, и гнать со своей земли родной, гнать до самого её логова».

– Ну что, братцы, будем! С Новым 1942-м годом вас, мужики! – сказал Саня, и алюминиевые кружки застучали боками.

И пили бойцы за победу, за то, что живы, за дом родной, за близких своих, за город этот освобождённый. И закуска была у них праздничная. И не верилось им, что сидят они опять вот так и дружно встречают Новый год, празднично и мирно, как будто бы до войны.

Командир полка также лично поздравил свой полк после построения на городской площади. Как положено, со знаменем полка, с криками «ура!». Он проходил мимо строя, вглядываясь в лица своих подчинённых, и исходила от полковника какая-то особенная, отеческая, невидимая связь, крепкая связь, соединившая их судьбы, скреплённая пролитой кровью, и он верил в них, верили и они в него. После стольких побед, пусть тяжёлых, вера эта только крепла, и кто-то молча молился за то, чтобы был жив их командир, посланный, казалось им, самим Богом.

И пусть мало было отдыха, но набрались бойцы сил, пополнялся полк понемногу вооружением, людьми с маршевых рот, и становился 473-й стрелковый опять боеспособным и полноценным. Новые ответственные боевые задачи ставил комдив Фоканов перед своими полками, потому что враг ещё был силен и опасен. И по-прежнему рвался он к сердцу

Родины, Москве. С одной стороны его, как бешеного пса, отгоняли, а он с другой норовил и всё выискивал слабые наши места, выискивал брешь, зная, что Красная Армия много претерпела, и думалось фашистам, что силы её иссякли. Но зря так думали фрицы.

Многим нашим бойцам посчастливилось даже помыться в бане. Правда, с крышей, пробитой снарядом, но с уцелевшими котлами. Дров сами напилили и накололи; и хоть сквозь пробоину тихо падал снег, от горячей воды, добытой с Оки, было совсем не холодно, а даже приятно. Уставшее тело терпело горячую воду, и в эту минуту многие думали о своей баньке, о приятно пахнущем берёзовом веничке, о вечернем воздухе, пахнущем ароматом Яблочного Спаса. Понятное дело, летом хоть в речке какой-нибудь да ополоснёшься, а тут зима на дворе, январь, и потребности эти, казалось бы, обыденные, порой для солдата решались нелегко, а чаще и не решались вовсе.

Уходили бойцы с честью, оглядываясь назад, на разрушенный город, освобождённый ими. И была у них и гордость, и печаль утрат, и надежда, с которой надо было идти дальше, наталкиваясь по пути на фашистов, уже не таких бравых, как летом, уже потрёпанных изрядно, обозлённых ещё больше от неудач, мёрзнувших на русском морозе, но сражавшихся по-прежнему нагло, зло и упрямо.

Дивизии Фоканова был дан приказ с боями продвигаться к городу Юхнову, к Варшавскому шоссе, по которому враг рвался всё ещё к Москве, и там нужно во что бы то ни стало остановить его. Остановить, как и много раз, любой ценой, и цена эта могла быть, как всегда, слишком велика.

Глава 5. «Долина смерти»

– Деревня действительно невелика, но сколько там набилось немцев в каждый дом, ещё неизвестно. После разведки предлагаю произвести миномётную подготовку, только нужно выяснить, есть ли там местные жители. Но вполне возможно, что выгнали всех немцы. Задача разведке, как всегда, не из лёгких, – говорил командир полка своим подчинённым. – Может быть, маскируются немцы, хитрят, силы-то у них не те уже, не как летом, заметно обороты сбавили. Обойти бы деревню эту, чтобы быстрее выполнить поставленную основную боевую задачу, да нельзя – комдив приказал уничтожать любое скопление немцев в целях недопущения попадания сведений немецкому командованию о движении наших частей. И с этим, конечно же, нельзя не согласиться, – убедительно добавил полковник Краснопивцев.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться, – кашлянув, произнёс сидевший до этого тихо в углу командир первого батальона Кукса. – Я предлагаю произвести разведку боем. Деревушка ведь совсем маленькая, время сбережём, а оно нам дорого. Разрешите выдвинуть две свои роты во фланги. Вот здесь и здесь, возле этой речушки, – указал комбат карандашом на карте.

– После разведки, товарищ майор, не будем рисковать, силы нам нужно сейчас беречь как никогда. Всё ясно? Освобождение деревни,

я думаю, назначим ночью, внезапно, лишь бы разведка справилась. Нет возражений?

– Так точно, товарищ полковник, всё ясно, – согласились старшие командиры.

А пока бойцам нужно было опять ждать на снегу, наломав, как обычно, лапника, без костров, и в эти часы ожидания думалось: «Уж лучше бы в атаку быстрее, а что до смерти, то неизвестно, где она». Только знали бойцы, что ходит «косая» бок о бок, рядышком совсем, и днём и ночью ходит.

И вот в небо взмыла ярко-красная ракета, и подразделения устремились в атаку. Передвигаясь по глубокому снегу, бойцы вместе с командирами и криками «ура!» устремились вперёд. Трассирующие пули оставляли блестящие прерывистые нити, и ночью бой для многих казался каким-то другим, особенным, с каким-то другим течением времени. А для кого-то он был последним. Немцы не ждали здесь наш полк, но, быстро сгруппировавшись, заняли стойкую оборону. Некоторые, не успев одеться со сна, высказывали на мороз, но потом, опомнившись, забегали в панике снова в дом.

– Командира убило, командира! – кричал подбежавший боец, нагнувшийся над командиром второго батальона капитаном Артемьевым, тем самым, который храбро сражался под Тулой.

Тяжело раненного в грудь Артемьева бойцы перенесли в безопасное место.

– Да, атаковать в ночь, внезапно, хорошо, если знаешь местность, как у себя дома. Хоть слепой пройдёшь, а тут ни черта не видно, порой не разберёшь, где наши, а где фрицы. По трассирующим сразу и не сообразишь, куда стрелять, – говорил боец Тихомиров своему новому другу Сане.

– Седьмая рота Белова чуть вся не полегла, когда под перекрёстный огонь попала, так атакой увлеклись, а ведь опять же ни черта не видать. Ладно, капитан какой-то помог, из штабных, кажется... Не растерялся, принял командование на себя. Я, признаться, грешным делом, думал, что штабные умеют только бумажки писать.

– Нет, атаковать надо днём, а так, бывает, мышка коту в лапы сама бежит.

– Ну, тебя не спросили... Может, скажешь, лета дождёмся? И кто мышки? Уж не мы ли, по-твоему?

– Да ладно тебе, Сань, я не понимаю, что ли... Я про то, что темнота кромешная, и своих бы не зацепить, и только. Боевую задачу выполнили. Правда, сколько наших немцы проклятые положили, сколько командиров хороших, в какой-то деревушке...

– Деревня небольшая, это правда, – заметил Саня. – Но будь хоть какая, слышишь, Толя, всё равно наша, русская. Ты думаешь, моя деревня больше?

– Ну, ты, Саня, и заковыристый: я тебе – слово, ты мне – два. Грубыми людей война делает, грубыми...

Саня посмотрел на Тихомирова, но ничего больше не сказал. До утра оставалось уже совсем немного времени, и хотелось спать, но что-то

мешало. Наверное, тот недавний дух, тот немецкий дух, который оставили после себя немцы в домах. И хоть в выбитые окна нещадно сквозило, уцелевшие в некоторых домах печки были ещё горячими. Старались фрицы согреться, не жалея ни дров, ни самой печки.

«Январский морозный день короток, но всё же не такой, как в декабре. И солнышко радуется чаще, хоть по-прежнему не греет совсем, и до тепла ещё далеко, но не за горами и весна. Ползимы пролетело, время движется для живых, а для мёртвых оно остановилось навечно, – думали бойцы, шагая по заснеженной русской равнине. – Сколько прошагали, проползли, измерить бы... И в грязи, и в болотах, теперь вот по снегу глубокому, местами целинному, нетронутому, ослепительно белому... Нет, и не сосчитать, сколько...»

– Саня, а как ты думаешь, – тяжело дыша на морозном воздухе, спрашивал Толя Тихомиров, – как думаешь, сколько вёрст до Берлина? Сможет ли человек пешком, вот так, как мы с тобой, до Берлина дошагать? Как думаешь, Сань?

– Ну и мысли у тебя, Толя... Ты полегче ничего не смог придумать?

Саню почему-то это рассмешило. Он так громко рассмеялся, что взводный оговорил: мол, не до смеху особо.

– Рано смеяться, товарищи красноармейцы, рано... Смех – это хорошо, но сейчас он не к месту, слышите? – стараясь быть тактичным, настаивал Тулупов.

Он старался быть обходительным, интеллигентным в общении с подчинёнными, да он таким и был, и к «бывалым» относился с уважением, при этом никогда не заискивая ни перед кем, с какой-то неподкупной правдой в глазах. Бойцы не обижались на него за излишнюю, бывало, поучительность. «Молодой ещё, всему научится, но не выскочка, нет, свой мужик», – думали его подчинённые.

Но рано, слишком рано оборвалась жизнь младшего лейтенанта. А ведь такой бы мог дослужиться и до высокого чина, но судьба, как и многим его сверстникам, уготовила иное.

– Замедлить движение! На месте стой! – кричали командиры.

Кто-то в дремоте на ходу спотыкался о впереди идущего товарища, а тот незлобно матерился, и колонна через какие-то минуты застыла неподвижно, на месте.

Прибежал посыльный от командира роты Дубасова и, запыхавшись, доложил:

– Командира взвода к командиру роты срочно!

– Опять немцы где-нибудь «квартируются», сволочи, не иначе. Привал-то недавно был, и называется это так: вы не ждали, а мы припёрлись, – сказал старший сержант Бутылкин, расстёгивая верхние пуговицы ватника.

Спустя какое-то время предположения Бутылкина подтвердились.

– Ну что, братцы, уж я по-простому: отомстим за взводного Серёгу Тулупова? Хороший был парень... За всех отомстим, куда живы. Немца в этом селе, выходит, больше, чем в тех деревнях. По нарастающей линии идём, как сказал ротный, и оборона здесь у них будь здоров. Пока идём до места следования, потреплет нас фриц... Ну ничего, и на этот раз прорвёмся! Правда, братцы?! Где наша не пропадала...

Бойцы поддержали нового командира взвода. И не было ничего удивительного в том, что зачастую сержант становился командиром взвода, а старшина, бывало, – и ротным.

– И село, братцы, с красивым названием попало нам на пути. Остаток слобода называется, – задумчиво произнёс Бутылкин, затем добавил: – И эту красоту нам тоже нужно освободить, вот так, мужики. До шоссе уже совсем близко. Вот выйдем немцев из этого села, и, по данным разведки, открывается нам прямая дорога к нему. Наши уже в селе Вышнем. Как по маслицу пойдём.

После сказанного сержант закурил памятный «Казбек», подаренный накануне командиром роты.

Все понимали, что и там, у Варшавского шоссе, не конечный пункт, что и там могут убить, но почему-то многим казалось, что там погибнуть будет не так обидно, как здесь, на марше, от пули какого-нибудь полупьяного, очумевшего от шнапса или русской самогонки «ганса». Но здесь, перед этим селом у немцев всё было основательно укреплено, и, казалось, что быстро прорвать такую немецкую оборону невозможно. И дзоты, и батарея, и миномёты, – всё было у них, кроме, пожалуй, танков.

– Основательно фрицы охраняют Варшавское шоссе. Нужна им эта дорога, до Москвы хоть шар кати. Не там, так тут к столице рвутся, – смотря в бинокль, говорил командир второй роты Дубасов.

Голова его была забинтована. Минный осколок по касательной задел лоб, сбив шапку ещё в бою за деревню Куркино. Так и дрался старший лейтенант с немцами в рукопашной, без шапки, и кровь сочилась у него и стекала прямо на глаза сквозь редкие брови, но он был в строю, вместе со своей ротой. Вот и здесь он был готов ринуться вперёд, но с ходу взять этот оборонительный рубеж немцев было затруднительно, да и положили бы командиры бойцов своих сгоряча понапрасну и сами бы погибли...

Времени на раздумья не было. Высшее командование назначило сроки овладения шоссе и поддержки кавалерийского корпуса генерала Белова – для быстрого продвижения к городу Юхнову. Как-никак, но бои за населённые пункты замедляли движение, а командование торопило, укоризненно торопило, отдавая резкие приказы. Немцы подтянули резервы, понимая, видно, что перед ними не рота и не батальон противника. Немецкие дзоты не давали возможности атаковать в лоб, миномётные обстрелы были методичными и сильными.

Собрав в очередной раз комбатов, командир 473-го стрелкового полка решил посоветоваться, как лучше и без больших потерь овладеть селом. Он никогда не принимал единоличного, непродуманного решения, и, если было хоть немного времени, всегда обсуждал со старшими командирами подразделений полка, как лучше поступить. Сохранить жизнь подчинённому, обойтись малыми потерями, при этом победив врага, – эти понятия для полковника были важны и дороги.

Но немцы готовы были драться до конца. И приходилось часто идти на смертельный риск кому-то, ради спасения других, ради победы.

– Гранаты противотанковые есть? – спросил старшина роты Курбак у бойцов.

Он был из донских казаков, коренастый, смелый, носил вместо шапки на голове кубанку, как и полковник Краснопивцев. Ему было разрешено: раз казак – как же без кубанки? И берёг он её, как самое дорогое, что было у него при себе... Ну, конечно же, после партбилета да фотографии близких в армейской книжке.

– Подержи пока, чтобы не потерять часом, – и старшина передал свою любимую кубанку красноармейцу со второго взвода. – Смотри, головой отвечаешь за неё! Понял?

Боец-новобранец так и не понял сначала, то ли всерьёз так сказал старшина, то ли в шутку.

– Что, старшина, думаешь, должно получиться? А если из второго взвода зацепят тебя, тогда как?

И кубанским своим говором старшина ответил:

– Больно гутарит он без отдыха, уgomонить следует.

Он расправил здоровенной ладонью своей густые чёрные усы, которые уж больно шли ему.

Все залегли, и старшина короткими перебежками подобрался невредимым достаточно близко до ближайшего взвода, но недостаточно, чтобы добросить тяжёлую противотанковую гранату.

«Эх, ближе надо, ближе», – отчаянно думал старшина Курбак, и в виски бешено ударяло, сердце стучало так, что, кажется, готово было выскочить. Нет, это был не страх, а переживание: вдруг не получится, ведь вызвался сам, добровольно.

Пулемётчик, видимо, взял на мушку фигуру старшины, на время прекратив стрельбу; все, кто видел это, замерли в ожидании. Вот старшина быстро поднимается, и тут же ударяет очередь. Но Курбак жив. Теперь он может бросить, докинуть, теперь можно. Но как? В какую секунду это сделать?

– За родину! – крикнул старшина и бросил гранату.

Снова пулемётная очередь всколыхнула пушистый глубокий снег, прошлась над самой старшинской головой. Подними Курбак хотя бы ещё на сантиметр-другой свой чуб, не стало бы старшины. Он успел бросить и вторую, и третью гранату, рванувшись в какое-то мгновение ещё вперёд, но свой же осколок серьёзно зацепил его. И всё же старшина увидел, как пошли бойцы в атаку, подорвав другие взводы ценой своей жизни, и немцы, побросав свои позиции, побежали в панике. Линия обороны была прорвана, и бой шёл уже в самом селе. Был у бойцов опыт – выбивать немца из домов.

Возле старой берёзы бойцы обнаружили убитого немца-пулемётчика, прикованного железной цепью к дереву. Рядом лежало множество гильз. Все ленты были пустыми. Видимо, немец отстреливался до последнего.

– И за что же его так? Одним словом, звери, фашисты, – ужасались проходившие мимо красноармейцы.

– Видать, за какую-нибудь провинность... Вот же собаки бешеные: взяли и своего приковали, – говорили другие.

Начался февраль. Февраль 1942 года. «Каким он будет?» – думали бойцы. Многие они пережили, многое повидали. Особенно те, кто каким-то чудом уцелел почти с самого начала войны, и пусть израненные, но

в силу молодого организма раны их быстро затягивались, и они опять были в строю. С сединой в волосах, бывало, в двадцать пять лет, они выглядели старше своего возраста. За эти ужасные месяцы война преобразила их, но не смогла изменить сознание, уничтожить смелость их и отвагу. Нелегко было им. Не видно было перевеса. И тот подъём, который испытывали поначалу бойцы после Тулы и Калуги, как-то понемногу стал угасать. И было предчувствие, какое-то леденящее, как февральский ветер, предчувствие. Не хотелось думать о плохом, надежда заставляла жить и драться с врагом, как дрались они всё это время, часто помогая товарищам из пополнения, делясь опытом боевым и жизненным.

Командир полка собрал старших командиров – для доведения приказа комдива. Необходимо было выйти к Варшавскому шоссе, в районе деревни Барсуки, и к намеченной дате овладеть этим участком шоссе, как важным стратегическим объектом.

Остановившись на недолгий привал в селе Вышнее, бойцы обедали, вели разговоры, курили. Они остановились возле старинного, судя по постройке, каменного храма.

– А что, боец, – спрашивал Саня, отобедавший наспех, – здорово здесь немец засел?

Подошёл и Толя Тихомиров, он не отставал от Сани ни на шаг. «С тобой интереснее, хоть ты и грубоват, но с другими я так дружбы не сыскал, как с тобой», – бывало говорил Толя.

Молодой боец возился с «Максимом», что-то чистил, ремонтировал, и ему было не до вопросов. Но потом, видно, устав уже, решил перекурить, а заодно и «стрельнуть» табачку у подошедших бойцов.

– Немец как немец, везде одинаковый, упёртый, гад. Из села-то мы его быстро сопроводили куда следует, а вот отсюда, – и паренёк показал рукой на храм, – отсюда... побились... Сколько наших здесь положили... И как Бог допустил такое, чертей этих... в храм Божий? Какую красоту изувечили. Храм-то действовал, говорят, на всю округу один, в начале войны открыли. Дед тут местный рассказывал, что помещики Левашовы храм этот построили, кажись, в 1800 году, много храм простоял, говорит, но такого ещё не видал, чтобы по храму из пушек стреляли. Вот такие тут у нас дела. Мы их несколько часов не могли из него выбить.

– А ты что, верующий, что ли? – спросил Толя Тихомиров, с интересом глядя на пулемётчика.

Немного подумав, тот сказал:

– Тут, братцы, и в Бога, и в чёрта поверить можно. Неужто уж вы не знаете? Наверное, не первый день воюете. Я с бабкой со своей спорил насчёт Бога-то, а теперь сомневаюсь. Вот до чего война, проклятая, человека довела.

– Ну, бывай, брат, нам дальше топать надо.

– Куда вас теперь?

– К шоссе. Говорят, немец по нему, как у себя в Германии, раскатался, с комфортом, – ответил, кашляя, Толя.

– Ну, прощайте, товарищи, держитесь там.

– Ты бы лучше сказал, до свидания, а прощаться я лично не люблю, как будто навсегда.

– Кто знает, кто знает, война ведь... Может, и свидимся ещё, – сказал молодой пулемётчик с грустью в глазах.

– Да ну тебя, живы будем, не помрём! Правда, Сань? – и друг Толя шутя подтолкнул товарища в бок.

– А сколько за нами ещё идёт полков, товарищ сержант? – спросил кто-то из «молодых». – Говорят, много нас.

– Не полков, товарищи красноармейцы, а дивизий. Кроме нашей, ещё две, остальные части за рекой остались, здесь вся наша армия, считай. На нас возложена эта задача – оседлать и удерживать шоссе, да ещё на Десятую армию, так ротный говорил. Нужна немцам эта дорога. По болотам на тяжёлой технике даже зимой не пройти. Вот две армии, считай, и выдвигают сюда. Только армии – это больно сильно сказано, сами видите, сколько нас. Почти половина. По этому шоссе до Москвы – рукой подать. Немцы его, говорят, берегли, не бомбили.

По глубокому снегу шли изрядно потрёпанные в боях дивизии к той высоте, которую надо было взять в районе шоссе. Лошади и те утапали в снегу, взбрыкивали, хрипели, как загнанные, с трудом везя за собой пушки. Днём идти было нельзя, чтобы не обнаружить себя раньше времени. И пройти-то оставалось совсем немного, вон как двигались от Тулы до Калуги, а тут... Февраль бил в лицо колючим холодным ветром, пурга завывала, словно раненый волк, то затихая, то вновь усиливаясь. Ветер пронизывал до костей, забивая леденящий снег за воротники, обжигал лицо, и казалось, что этому ночному пути не будет конца. И думали бойцы: «Раз уж нам, привыкшим к таким зимам, несладко, то каково же фрицам? Спят, наверное, по деревням, в натопленных избах, и бери их, тёпленьких, хоть голыми руками...»

Но немцы не спали. Они подтягивали свежие резервы к шоссе, чтобы любой ценой контролировать его. А кто-то из фронтового командования Красной Армии, окрылённый недавними победами, не рассчитал силы, не продумал всю тактику ведения операции в таких условиях. И получилось, что немцы «переиграли» наши части.

– Товарищ полковник, разрешите доложить! – подскакав на вороном коне, обратился командир конной разведки к командиру полка.

– Докладывайте, лейтенант, что там впереди, не томите.

– Впереди большое скопление немцев, рядом с дорогой – еле ушли – несколько танков, тяжёлая артиллерия, бронетехника...

Не успел полковник Краснопивцев оценить и осмыслить ситуацию, как радисты получили тревожную весть. Немцы атаковали село Вышнее, где полк проходил накануне, захватили его, перерезав тем самым путь другим частям армии. Ещё не всё было ясно, но полковник понял: это западня.

– Товарищи командиры, – обратился к своим подчинённым внешне спокойный комдив, – доведу до вашего сведения, что с этой минуты наши дивизии находятся в окружении. Нам приказано драться своими силами и пробиваться к деревне Барсуки, в район высоты 186,1.

Все молчали, воцарилась какая-то давящая тишина, и только высокий хвойный лес шумел на ветру, скрипя так, будто стонал.

Командир одного из полков нарушил эту тишину и, набравшись смелости, заговорил:

– Товарищ генерал-майор, мы все должны понимать и осознавать, что в сложившейся обстановке, в лесистой местности, при таких погодных условиях, манёвренность наша минимальна. Снег очень глубокий. Лошади с трудом везут артиллерию, дорог нет, кругом низменная, местами болотистая местность. Здесь танки по такой местности и то могут не везде пройти...

– Не отчаивайтесь, подполковник, – ответил комдив, сердито посмотрев на командира 510-го полка Гордиенко. Он хотел сказать: «Не паникуйте», но всё же удержался и только добавил: – Что предлагаете по существу? Какие соображения?

– Я считаю, что в данной ситуации необходимо попытаться идти на прорыв, в район заданной высоты, и постараться овладеть шоссе. Назад пути нет. Промедление может тяжело отразиться на нашей боеспособности.

С этим мнением согласились и другие командиры полков. Но атаки, следовавшие одна за другой, не приносили успеха.

На снег, просочившись сквозь бинты, медленно капала густая тёмно-багровая кровь. Лейтенант шёл тяжело, покачиваясь из стороны в сторону, шёл, не реагируя ни на что, молча.

– Лейтенант Степанов, лейтенант, слышите меня? Приказываю остановиться! – кричал командир роты командиру взвода.

Лейтенант остановился. Он повернул голову, и капитан увидел осунувшееся, заросшее щетиной лицо лейтенанта, и во взгляде его были отрешённость и потерянности.

– Что с вами, лейтенант? Вы серьёзно ранены... Вам бы... – и капитан не договорил, лейтенант его перебил.

– Взвода больше нет, слышите, капитан, нет, – негромко произнёс Степанов. – Сколько можно так? Идти в атаку, понимая, что идёшь на глупую смерть? Сколько можно биться головой об стену, скажите, капитан? Почему уже десятые сутки мы терпим такое? Бойцам нечего есть, они жуют мясо убитых лошадей и в душе проклинают нас, командиров. Боеприпасов нет, лошадидохнут, раненые в блиндажах стонут, там их сотни, штабелями лежат, как будто это не люди. Они солдаты, они должны погибать в бою, а не в этом проклятом месте.

– Прекратите, лейтенант, такие разговоры немедленно. Вы командир Красной Армии, кадровый командир, а не сопляк с ускоренных курсов, слышите? – вымолвил капитан и положил руку на кобуру.

– Что, капитан, расстрелять меня хочешь? Валяй, только я туда пойду, – и Степанов указал рукой в сторону немецкой неприступной обороны. – Стреляй, если ты не последняя сволочь в спину своим же стрелять... Взвода моего нет, и мне немного уж осталось. Не хочу в блиндаже умирать... Смогу только как солдат, от пули, сразу... Стреляй, если сможешь, стреляй! – и лейтенант закричал так, что схватился от боли и нервного напряжения за голову.

Зашатавшись сильнее, он зашагал дальше, в сторону немцев.

– Стой, лейтенант! Приказа не было идти в наступление. За невыполнение приказа я вас...

– Ты что, сдурил, капитан? – закричал подоспевший вовремя комбат третьего батальона.

Он выхватил пистолет из рук капитана и уже тише добавил:

– Уберите немедленно личное оружие. Неужели вы не видите, он почти в бреду, может в любую минуту упасть. Опомнитесь, товарищ капитан, и пропустите мимо своих ушей всё, что говорил лейтенант. Я его знаю ещё из-под Брянска, он не трус, и знаю, как он воевал. Вам всё ясно, товарищ капитан?

Командир одной из рот стоял посреди большого старого леса с высокими елями, а по буграм – с большими стройными соснами. Вершины их качались, как маятники, на порывистом холодном ветру. И весь этот лес наводил уныние в те минуты. Впереди этого векового леса была непробиваемая мощная оборона немцев. В самом этом старом, каком-то сумрачном лесу – сжатые в плотное кольцо все наши части.

Немцы применили тактику изнурительного уничтожения. Сами не лезли в этот дремучий лес, но и продыху нашим не давали. Дивизии, попавшие в окружение, находились под постоянными налётами авиации, обстрелом из всех видов орудий. Но немцы решили их ещё и заморить голодом. Начались неоправданные страшные потери в живой силе и оставшемся вооружении. Необходим был прорыв, прорыв в ночное время, чтобы не погибнуть всем в этом зловещем месте. Около двух недель наши части были в таком положении, и с каждым днём это положение только ухудшалось.

Наступил вечер четырнадцатого февраля. В окружённой группировке были два генерала-комдива. Одному из них и было поручено срочно организовать группу прорыва, чтобы не погубить все три дивизии целиком. Комдив Фоканов, когда уже на небе появились звёзды и мороз усилился, собрал всех старших командиров в блиндаже, где располагался центральный штаб.

– Товарищи командиры дивизий и командиры полков, командующим Западным фронтом мне приказано организовать немедленную операцию по выходу наших частей из окружения. Поэтому приказываю в срочном порядке организовать группу прорыва из наиболее стойких, крепких красноармейцев. Также приказываю организовать группу прикрытия дивизионной артиллерией.

Комдив Фоканов окинул всех пристальным взглядом. Помолчав немного, добавил:

– Выдвигаться на прорыв решено по лесу через долину реки Лидия, в направлении сёл Вышнее и Ситское. У кого будут какие предложения по группе прорыва? Только быстро и коротко.

В блиндаже от густого табачного дыма, как всегда, трудно было дышать. Молчаливое напряжение с каждой секундой только нарастало. Все понимали, что им, тем, кто пойдёт впереди, уготована верная смерть, но и оставаться здесь в бездействии тоже означало одно – гибель.

Комдив понимал ответственность, которая ляжет на плечи группы прорыва. Он ещё раз внимательно всех оглядел, тяжело вздохнул и сказал:

– Предлагаю назначить командиром группы прорыва командира 473-го полка полковника Краснопивцева.

Обратившись непосредственно к Краснопивцеву, комдив добавил:

– Михаил Петрович, мы знаем тебя как храброго и грамотного командира, мы верим в тебя...

– Всё понимаю, товарищ генерал-майор, я поведу за собой свой полк, приказ будет выполнен, – спокойно сказал Краснопивцев.

Выслушав хладнокровный ответ полковника, генерал приказал командиру 340-й стрелковой дивизии полковнику Мартиросяну организовать группу прикрытия из дивизионной артиллерии. Начало прорыва назначили ровно на полночь.

Проходя мимо одного из блиндажей, наполненного умирающими ранеными, полковник Краснопивцев вместе с комдивом Мартиросяном наткнулись на стонущего тяжелораненого красноармейца. Он выполз из блиндажа, оставив после себя кровавый след. Лёжа на снегу вверх лицом, парень что-то говорил, уставившись в звёздное небо своими угасающими глазами. Осветив карманным фонариком лицо раненого, комдив спросил:

– Что вы делаете тут, на морозе, товарищ красноармеец? В блиндаже хоть немного, но теплее.

И сам тут же с ужасом подумал: «Боже, что я говорю?»

Он ещё что-то хотел сказать, как-то помочь раненому, но тот, из последних сил улыбнувшись какой-то кривой неестественной улыбкой, лишь ответил:

– Поздно уже, и мне совсем не холодно, только больно. Не хочу умирать там, хочу здесь, так легче...

И с этими словами, в последнее мгновение жизни, слёзы проступили у него из потухших глаз, оставшись на лице в виде двух застывших хрустальных капелек.

– Мы не сможем им помочь. Там, в блиндажах, одни тяжелораненые. Их, может быть, сотни. Все, кто может хоть как-то передвигаться и держать оружие, – в строю. Много таких раненых и в обозе, что у болота. Горько смотреть на всё это и чувствовать вину, – опустив голову, хрипло говорил Краснопивцев.

– Не вините себя, Михаил Петрович. Мне, как и вам, не легче, поверьте. Сейчас отдам приказ полковнику Репникову на прикрытия вашей группы дивизионной артиллерией. Но артиллерия – это громко сказано: три пушки и по десять снарядов на каждую... Я понимаю, на что буду посылать своих подчинённых... Здесь не нужно никого винить, нужно постараться спасти всех тех, кто ещё живой.

– Согласен с вами, товарищ полковник, согласен, – произнёс негромко Краснопивцев, и в последний раз взглянул туда, где уже неподвижно, без стонов, лежал молодой боец.

Нужно было прорвать две линии обороны противника. И полк Краснопивцева пошёл на прорыв. Бойцы шли по глубокому снегу. Впереди автоматчики, за ними командир полка и все остальные. Немцы освещали ракетами всю группу прорыва, не жалея их, по трассирующим пулям обрушивали огонь из миномётов и пулемётов на полк Краснопивцева.

– Держись, Толя, держись! – кричал Саня своему другу, раненному осколком в живот.

Толя уже не отвечал. Через какие-то секунды снаряд ударил совсем рядом. Речная тёмная ледяная вода, будто вскипев, поднялась сплошным фонтаном вверх, крошево льда вместе с осколками обожгли до нестерпимой боли Санино лицо, когда до спасения оставалось перейти только эту небольшую лесную реку Лидию и подняться на противоположный крутой берег. Саню потащило под лёд, и река поглотила его. «Какие-то несколько сотен метров, – думалось в последние мгновения жизни бойцам. – Какие-то сотни метров...»

– Командира полка убило! Командира убило! – кто-то отчаянно кричал, пытаясь, наверное, перекричать весь этот огненный ад.

Подбежавшие несколько автоматчиков пытались вынести с поля боя полковника, в надежде, что тот, может быть, ещё жив. Но очередная вражеская пулемётная очередь сразила всех наповал...

Сколько же их тогда полегло... Но они совершили подвиг. Подвиг, который невозможно сразу оценить, осмыслить.

Вражеское кольцо было прорвано. Полковник Краснопивцев выполнил приказ. Наши уцелевшие части соединились с основными силами. Ценой больших потерь достался этот выход из окружения. Трагедия оказалась слишком горькой и большой.

Когда всё стихло, в том месте уже не было ни грохота, ни разрывов, не слышно было человеческих стонов и криков. Лишь большой тёмный лес из-за смены погоды надрывно пел на холодном сильном ветру свою зауспокойную песню, а метель накрывала белым холодным саваном тела погибших. Здесь был уже другой мир – мир мёртвых. А души их за подвиги и страдания, по старинным поверьям, уходили со временем на небеса. Позже потомки назовут это место Долиной смерти.

